

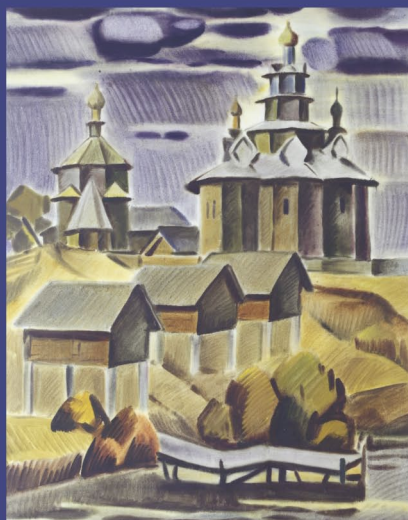
антология
пермской
литературы

Игорь
ТЮЛЕНЕВ

В БЕРЕГАХ СЛАВЯНСТВА

избранное

16+

Серия «Антология пермской литературы» —
лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства
(номинация «Литература») за 2013 год

Издание книги «В берегах славянства» (избранное) писателя Игоря Николаевича Тюленева и подготовка её электронной версии в рамках проекта «Пермская библиотека» (www.kulturaperm.ru) осуществлены при поддержке Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru), при содействии Регионального отделения Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Пермском крае и Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России.

На обложке, титульном листе: «Деревянные храмы», холст, масло, 1980 г. — работа члена Союза художников России, заслуженного художника РСФСР, художника-фронтовика Ивана Борисова.

На форзаце: «Село Альняш», картон, масло, 1969 г. — работа члена Союза художников России, художника-фронтовика Анатолия Тумбасова.

том девятнадцатый

Игорь
ТЮЛЕНЕВ

В БЕРЕГАХ **СЛАВЯНСТВА**

избранное

«Пермский писатель»

Пермь
2016

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5
Т 982

антология пермской литературы • том 19

Игорь Николаевич Тюленев.
В берегах славянства
избранное

Тюленев И. Н.

Т 982   **В берегах славянства:** Избранное. — Пермь: Пермский писатель, 2016. — 328 с. — (Антология пермской литературы; т. 19).
ISBN 978-5-9908566-3-9.

В книгу известного российского поэта Игоря Тюленева «В берегах славянства» вошли избранные стихотворения, написанные более чем за тридцатилетний стаж его творческой деятельности. Необычность и заметность этого имени в литературе во многом основываются на том, что автор свободно и великолепно мыслит образами, метафорами, приходит к неожиданным художественным обобщениям. За всем этим ощущается большая искренность и всё порождающее чувство любви к Родине.

Главенствующая тема — тема России, которая переживается во всей полноте её историко-культурного бытия, но при этом тематически и сюжетно откликается на самые травмирующие, самые тревожные и жгучие конфликты современности. В этом плане творчество поэта нередко характеризуется неповторимой художественной пронизательностью, нередко опережающей новостные факты и события. Может быть, это объясняется авторской обращенностью к духовным залогам развития России, которые он находит, в первую очередь, в Вере в Бога, в православном основании отеческой духовной жизни.

Не оставляют равнодушными и лирические произведения писателя. Богатства наших чувствований естественны, щедры, эмоционально притягательны в человеке широкого русского мира, проникнутые добротой и нежностью, влюбленностью и восхищением перед красотой настоящего.

Книга адресована широкому кругу читателей с 16 лет.

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5

ISBN 978-5-9908566-3-9

© И. Н. Тюленев, текст, 2016
© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2016
© ПКОО «Пермский писатель», 2016

**«ЭСКАДРОН ГУСАР ЛЕТУЧИХ»,
или «ЛОШАДЬ ВЫШЛА ИЗ ВОДЫ»
(о поэзии Игоря Тюленева)**

Стихи Игоря Тюленева узнаваемы. Они отличаются особенной, созвучной биению человеческого сердца ритмикой, стремительностью формы, функциональной метафоричностью, подкупающей убедительностью. Эти стихи захватывают читателя так, что он, конечно, не задумывается ни о художественных особенностях поэтического почерка одного из самых известных русских поэтов, ни о его системе образов, являющихся отражением мировоззрения коренного пермяка, красивого в своей неповторимой самобытности русского человека.

Говоря о творчестве Игоря Николаевича Тюленева невозможно не отметить внешние данные поэта — его стать, мощь натуры, гармоничное величие всего его существа. Они имеют для характеристики творчества немаловажное значение, ведь, как доказывал физиолог А. А. Ухтомский, — художественный образ создаётся всем телом и душой человека, и никакие сигналы и рефлексy не могут заменить вклад души в создание образa. А душа не от рождения получает устойчивое воззрение на мир, но развивает его в соответствии со многими условиями, среди которых определяющими являются, чаще всего, место рождения, семья, образование.

Игорю Тюленеву есть чем гордиться. Он родился в крепкой, благополучной русской семье, в красивом посёлке Пермского края на берегу реки Камы. С отличием окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Руководителем его творческого семинара был выдающийся поэт Юрий Кузнецов. Возвращение Игоря Николаевича после учёбы в родной край не помешало известности поэта. Игорь Тюленев, будучи членом Союза писателей России с 1989 года, выпустил 18 поэтических сборников, являлся участником многих международных книжных выставок и салонов. Книги поэта выставлялись на Московской международной книжной ярмарке (2004, 2005), на 25-м Парижском книжном салоне во Франции (2005), на 13-й Международной книжной ярмарке в Пекине (2006); на Международных книжных ярмарках в Женеве (2007) и Дели (2008). Очевиден не только в России, но и в мире интерес к этому творчеству. Чем же это можно объяснить?

Если кратко — то, вероятнее всего тем, что в поэзии Игоря Тюленева ярко проявляется национальный менталитет, историко-духовная традиция русской цивилизации. Нельзя сказать, что стихи Игоря

Тюленевы — исторические, но они все историчны в плане некоего интуитивного, исконного ощущения ментальности русского этноса. Поэту дано почувствовать и отразить в образах мысль И. Л. Солоневича, который считал, что этнос, глубинное, метафизическое объединение людей, не сводится только к внешним формам их объединения, например, общей территории проживания и даже общей вере. Исследование и отражение этноса, как энергийного понятия, как общей мысли, можно назвать основным содержанием творчества Игоря Тюленева. В стихотворении с эпиграфом А. С. Пушкина «О русский глупый наш народ» поэт совмещает разные временные планы, оно кажется и архаичным, и современным. Через приметы века нынешнего и минувших веков поэту удаётся отразить русский мир в вечностном, непреходящем единстве его духовных и материальных элементов существования, обозначить смысловую исконную его доминанту, символами которой являлось Слово Божие и слово человеческое.

«О русский глупый наш народ...»

А. Пушкин, «Евгений Онегин»

*О глупый русский мой народ,
 Ну а другой — сто раз урод,
 Да и другой не так страдает.
 Другой прижимист и кичлив,
 А мой наивен, как мотив,
 Который пастушок играет.
 Другой не может без прикрас.
 А мой добрее в тыщу раз
 Того, кто русского кидает.
 Другой чванлив, туп и жесток,
 А мой сверчком и на шесток,
 Где в печке уголёчек шаёт...
 Народ мой пьющ, но работающ.
 Пусть вышел из чащоб и чащ,
 Свет знания душа алкает.
 Парады любит и футбол,
 Хоть бесшабашен, как монгол,
 Но цепко держит мысль о рае.
 Народ, как на кресте Христос.
 Торчат во лбу осколки звёзд,
 Глаза народа освещают.*

*Народ глядит, но глубже нас.
 Планеты ль сыплются из глаз?
 «Бураны» ль сваркой разрезают?
 О языке не говорю,
 Читатель, я им говорю!
 Владею письменно и устно.
 Он лёгок даже для заик,
 Но для врагов, как ножик — вжик! —
 И здесь кончается искусство.*

Историк культуры В. А. Щученко, исследуя структурные уровни понятия «менталитет» выявляет среди других уровней — уровень идейно-образных форм, создаваемых творцами культуры¹. Игорь Тюленев, вероятнее всего, не зная об этом и не задумываясь о философско-культурологических категориях бытия, но по своей коренной принадлежности к русскому этносу, интуитивно и логично вкрапляет в текст стихотворения о русском народе строфу о языке и упоминание об искусстве. Поэт чувствует, что смысл менталитета кроется не только в том, что «народ мой пьющ, но работающ», не только в том, что «бесшабашен, как монгол», и «свет знания его душа алкает». Менталитет нельзя вместить в конкретное рациональное определение, так как он представляет собой некий уровень инобытия, «нечто “разлитое” в бесконечности предметно данных форм»². В бытовой глупости, в «простоте души», в нестяжании материальных благ кроется ум русского народа, который, будучи, как на кресте Христос, цепко держит мысль о рае, хоть «бес познания» и велит ему усомниться в реальности этого рая. Мудр и непоколебим в своей вере тот народ, чьи глаза освещаются осколками звёзд.

Завораживающее своей энергетикой и ритмикой, это многоплановое стихотворение Игоря Тюленева, кажется, может стать поэтическим пояснением и такого сложного определения: «Ментальное единство общества, как известно, принципиально отличается от мировоззренческо-идеологического консенсуса...

Ментальность фундаментальна. Она приобщает культуру этноса к первоначалам мировой реальности, даёт культуре онтологические

¹ Щеченко В. А. Менталитет русской культуры: актуальные пробеомы его историко-генетического анализа //Русская культура: теоретические проблемы исторического генезиса. — СПб., 2014. — С. 27.

² Там же. С. 28.

основания. Являясь сверхиндивидуальной основой социальной жизни, ментальность не вписывается в аналитические дихотомии понятий “единичное — общее”, “частное — целое”, “идеальное — материальное”. Ментальный фундамент этноса предполагает неразрывное единство психических, телесных и духовно-смысловых определений¹.

Глубокое философское определение менталитета как «неразрывного единства», поэт на образном уровне выражает достаточно простым литературным приемом — придавая неодушевлённому собирательному существительному «народ», представляющему на протяжении многих веков исторически устойчивую общность многих людей, свойства одной одушевлённой личности. Объективная достоверность этой исторической единицы усиливается тем, что поэт исследует её не противопоставлением условному «человеку», но соотношением с собственной личностью, делая самого себя составной частью местоимения «мы»: народ глядит, но глубже нас.

В этом реалистичном сопоставлении поэт возносит «народ» на высший уровень бытия, наделяет его чудесными, божественными свойствами, проявляющимися в том числе и в возможности возникновения у автора ощущения личной причастности ко всему тому, что с этим этносом происходило на протяжении всего его существования.

*Отцовскую шляпу надену,
И шляпа сидит по уму.
На русскую выйду арену:
— Как шляпа подходит ему!*

*Подходят Байкал мне и Кама,
И профиль скалистый в Крыму,
Шляпинская фонограмма.
Я тоже так рявкнуть могу!*

*По мне сталинградские степи
С расплавленной вражьей броней.
По мне пролетарские цепи
И те, кто был скован со мной.*

---

¹ Булычев Ю. Ю. Ментальные основания этнической культуры // Русское самосознание. — №13, 2007. — С. 124

*И меркнет буржуйское семя,
Когда я в кабак захожу.
По мне это подлое время
И тяга страны к мятежу.*

*Стихии железной глаголы
Стопой обопрутся на ять!
Беднейшие братья — монголы —
Нас скальны научат снимать.*

*Напоминают, как делают чаши
Из срубленных вражьих голов.
На свете нет Родины краше!
И этих доходчивых слов!*

Очевидно, что стихи Игоря Тюленева обладают воинственной тональностью. Это определяется фактом личного его опыта: как духовное наследство, полученное от родителей, переживших Великую Отечественную войну, и как результат советского идеологического воспитания во второй половине XX века, когда нигде в мире ещё не подвергалась сомнению освободительная роль нашей страны. Но вот интересное наблюдение прозаика Николая Дорошенко: «Я вчитывался в стихотворения Игоря Тюленева, пытаюсь понять, что перенял он от Юрия Кузнецова, которого всегда называет своим учителем. И в стихотворении, написанном Тюленевым на смерть этого выдающегося поэта, я всё-таки угадал неповторимую кузнецовскую интонацию. Но и понял, что у Кузнецова Тюленев учился не только приёмам стихосложения, а тому воистину мужскому чувству любви к Родине, которое только и даёт ему право встать в шеренгу высокой русской поэзии». Но не только поэзии, но и в шеренгу славного русского воинства встаёт поэт в своём «мужественном чувстве любви к Родине».

Однако воинственность поэзии Игоря Тюленева не агрессивна, это, если можно так сказать, миролюбивая воинственность Ильи Муромца, который до тех пор мирно лежал на печи, пока над его ухом не засвистел Соловей Разбойник. Через конкретный характер русского святого воина, борца за русскую самобытность, через знакомый богатырский образ, соответствующий образу «противоречивой ментальной русской стихии» (Ю. Ю. Булычев), в поэтическом пространстве выявляется связь души народа с Богом. Особенно эта связь видна во дни бед народных.

*И снова навалится вечность
Искрящимся звёздным столбом.
И снова смелеть будет нечисть,
Смелея щипком и тычком.
Я буду стоять во Вселенной,
Как русской земли богатырь.
В отцовской фуражке военной,
Стихами тревожить эфир.*

Следует отметить, что богатырская брань на Руси всегда имела религиозную подоплёку, богатыри выходили на бой, прежде всего, за веру христианскую. У Игоря Тюленева эта тема не раскрывается, она сливается с обобщённым понятием — стояния за Родину, в котором только, к сожалению, подразумевается стояние за Церковь Православную, хотя глубоких стихов, посвящённых осмыслению русской религиозной жизни, у поэта много.

Как и действительный мир, насыщен, сложен поэтический мир Игоря Тюленева, в реалиях которого, он, будучи с Отечеством в кровном, неразрывном сыновнем родстве, пробует путь и к пропасти греха, и во спасительное преображение причастностью Божией силе.

Только через духовную связь с горним миром, пусть даже неосознанную, в сказочно-реалистичном мире поэзии Игоря Тюленева Иванушка-дурачок, проходящий в своей первобытной глупости через ряд испытаний, преображается в умного Ивана-Царевича, грешник — в праведника, рубака-богатырь — в инока.

*Русский дурень я,
Дерево-чудак,
В сорок кулаков
У меня кулак.
На ботве сижусь,
Девичье бедро
Для меня верстак.
А когда встаёт
Поперёк глагол,
А когда бежит
Поперёк река —
Менее меня
Кудеяр был зол,*

*Ибо послабей
У него рука.
Есть ещё Буслай
Да Илья казак.
Эти уж орлы
Золотых небес.
Я среди них меньшей.
Правда! Это так!
И пока в бою
Набираю вес.*

Оправдать элемент мифологичности, как одно из положительных свойств этой современной, реалистичной поэзии можно тем, что «человеческая природа, творческие силы нашего духовного существа лицетворяют не только себя, не только этнос, не только частную сферу человеческого мира, но возводят к манифестации саму потаенную сущность мировой реальности. Мифология содержит указание на трансцендентную мировому универсуму глубину, отражающую личностно-духовные истоки мироздания»¹. В трансцендентную глубину в большей или меньшей степени поэту удаётся заглянуть во многих своих произведениях, как, например, в стихотворении «Небесная Россия».

*Так, значит, есть Небесная Россия,
На холмах облачный алмазный вертоград,
И нету тьмы — лишь голоса родные
Словно лучи пронизывают сад.*

*А мне и любо: Пушкин и царевны,
А мне и славно, кто ж не будет рад,
Что нет лгунов — итоги их плачевны,
За пазухой у Бога нет наград.*

*И нет блудниц, тем паче власть имущих,
Нет распрей, грабежей и воровства,
Роскошные реликтовые кущи
Оберегают русские слова.*

---

¹ Русское самосознание. 13/2007 / Булычев Ю.Ю. Ментальные основания этнической культуры. С.139

*Порой душа пугается напрасно
Переступить бессмертия порог,
Того не зная — умирать не страшно,
Коль Господу угоден русский слог!*

Из этих строк следует, что поэт, как и древний его предок, цепко держит мысль о рае, который для русского человека немислим без России. По мнению поэта, только там рай, где сберегаются русские слова. Мечта о небесной России есть продолжение думы многих поэтов о России земной, благополучной, идеальной в своей заповедной устроенности, а именно, о вечной Святой Руси. Например, небесную судьбу её, так же связанную с раем, видел поэт Юрий Шестаков, убеждённый, что «в самых светлых сферах Рая будет жить Святая Русь». Игорь Тюленев тоже убеждён, что при исполнении всех заданных Богом законов, Россия, будучи прообразом Небесного Иерусалима, как единица вселенского мироздания достойна Вечности.

Трансцендентные токи пронизывают и бытовые стихи мастера, даже такое знаменитое его стихотворение, как «Восхваление гранёному стакану», где он опять наделяет неодушевлённый предмет свойствами и возможностями элемента живого мира. Поэт создаёт собирательный образ героя «русского Царства» посредством образа стакана (чаши-братины), движущегося по рукам единомышленников и единоверцев, тех, кто уже стал героем, и тех, у кого это поприще впереди. В этой, можно сказать «зачашной песне», без почтения к иерархии социальной, поэт строит иерархию героическую, иерархию заслуг, иерархию силы духа. Пребывая здесь в естественной спонтанности душевных проявлений, герои стихотворения, далёкие от рационального мироощущения, в большей степени приближаются к простотии русской ментальности.

*Тебя порой держал герой
В руке могучей перед боем.
Поэт с курчавой головой
И тот, кто должен стать героем.
Бомжи и жители Кремля
Твоим канканам были рады,
На дне твоём пустом не зря,
Как якоря, гремят награды.*

.....

*Полнее, друг, стакан налей,
 За русское я выпью Царство!
 Да за великие дела,
 За славу мировой Державы.
 И как сказал старик Державин:
 — Французить нам престать пора,
 Но Русь любить
 И пить. Ура!*

Что значит «Русь любить», поэт нам разъясняет со всем жаром своего пылкого сердца, которому даже больше чем богатырство близки «гусарство» и офицерство с их более понятными современному человеку страстями «Бурцова, ёра и забияки» и мощью и скоростями «эскадрона гусар летучих». В поэтическом мире сильного русского поэта на богатырском фундаментальном основании разворачивается битва в темпе и коллизиях 1812 года. Вообще поэзии Игоря Тюленева близка романтическая героика всякого военного времени. Многие роднит и характер самого поэта, смело и успешно воюющего в своей родной Перми со всевозможными «гельминтами от культуры», покушающимися на нравственные основы русской души, и его стих — с личностью и со стихом самого яркого певца Отечественной войны Дениса Давыдова. При очевидном актуальном звучании стихотворения «Бородино» с эпиграфом из Давыдова «французишки гнилые», оно имеет заметные ритмические, лексические, сюжетные реминисценции давыдовского творчества, так же, как и некоторые другие стихи Игоря Тюленева.

*Мы всегда искали славы
 С никою наперевес,
 Рвался в смертный бой певец.
 Гениальные всё лица
 То галопом, то рысцой
 Бурцев ёра, друг Дениса,
 Событьильник золотой,
 И Ермолов, и Раевский,*

*Храбрый князь Багратион
 Проскакал по-молодецки,
 Князь Кутузов вдохновлён...*

.....

*Русскою ковал победу
И поэт, и партизан...
Принимаю эстафету,
Пусть трепещет вражий стан!*

Игорь Тюленев, воспевающий патриотическую идею, принимает не только идеологическую эстафету отечественной освободительной и как её составляющей партизанской войны, ставя себя рядом с любимыми героями, но отчасти перенимает и некоторые особенности творчества удалого гусарского поэта.

Давыдов писал легко, весело, остроумно, расцвечивая свой поэтический язык и грубоватым просторечьем, и «солдатским говорком». Но более всего роднит поэтический почерк нашего современника со слогом героя XIX века — это стремительность стихотворного темпа. Когда-то Вяземский сравнивал стих Давыдова с пробкой, вырывающейся из бутылки шампанского, ему вторил Языков, восклицая:

*Не умрёт твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.*

Кажется, во многом эти строки могут быть отнесены и к творчеству Игоря Тюленева, отражающему не бессмысленный разгул, но упоительное кипение лучших человеческих чувств — чести, совести, сознания долга.

А долг у него один — рассказать всему миру, что такое Русь и русский человек, и какое счастье, какой восторг быть русским!

*Ну, хватит скрываться, я русский!
Не турок, не грек, не еврей.
И воин французский и прусский
Страшатся атаки моей.
Я просто окликну: — Брусилов!
Враги залатали Прорыв,
Таится в нас страшная сила
На сжатие и на разрыв.*

.....

Я пахарь страны, я мыслитель!

*При этом я добрый вполне.
Конечно, Господь Вседержитель
Всегда на моей стороне,
А также Небесная Дева!
Илья и Георгий с копьём.
Не верю я в басни халдея —
Мы всех проходимцев порвём!*

Поэт любит свою Родину в её силе и слабости, в её гениальности и глупости, в её славе и поражении. В своих книгах он ставит рядом стихотворения «Иосиф Сталин» и «Колчак», «Троица» и «Советское кино», «Гулянка» и «Погост». Всё и все в его стихах, кроме врагов России, самоценны и достойны внимания. Хотя в этом творчестве и наблюдается «иерархия культурных героев», но и богатыри, и бомжи, и жители Кремля, — все обладают подлинной силой, о которой так от их имени говорит поэт: «Да, мы подобье, Господи, Твоё!» Все живущие в православной России причастны Божией силе, с которой, в отличие от западной веры, русский человек не вступает ни в конкуренцию, ни в пререкания, а безрассудно принимает благодать. И верит в чудо. Верит в то, что существует объективная вечная парадигма бытия и поэт, пытающийся по доброте своего милосердного русского сердца даже оживить «мёртвую» Луну. И ведь получается у того, кто смотрит в небо, кто размышляет о его законах!

*И даже волею поэта
Не возродится никогда
Луна, убитая планета,
Кусок космического льда.
Её боятся океаны:
То к ней, то от неё бегут...
Но лают на неё полканы,
И лошади из лужи пьют...*

Эти стихотворение наводят на воспоминание о древнекитайском мудреце Фу-Си, который сидел на берегу Жёлтой реки в глубоком раздумье над смыслом жизни, тонул в размышлениях над возможностью создания единой философской теории, которая могла бы объяснить всё в бытии и мироздании, но ему это не удавалось. Вдруг прямо на него из воды вышла лошадь, на спине её были написаны иероглифы (интересно, что этот известный миф, являющийся

элементом китайской философии, существует в сказаниях многих тюркских народов). Согласно преданию, мудрец правильно понял это послание небес, заставляющее людей вглядываться в вещи, рождённые Небом и Землёй, верить во всепронизывающий единый дух и в чудеса. Навстречу не каждому мудрецу выходит из воды лошадь, но если вдруг выходит, не многим счастливым достаёт детской доверчивости поверить в её чудесную реальность. Открытость и доверчивость присущи верующей натуре поэта Игоря Тюленева, которому удаётся оживить Луну в собачьих глазах и в луже, из которой пьют лошади. Ему дано слышать музыку веков. Поэт, доверившись этому своему дару, может услышать и понять гораздо больше.

*Ах, эта музыка веков!
 То женский визг, то звон оков,
 То из могилы посвист ветра...
 По житю бледный конь бежит
 Так, что Вселенная дрожит,
 Свяжав Конец с началом Света,
 Омегу — с Альфой, тварь — с лицом,
 А Сына — с Духом и Отцом,
 С Отчизной — русского поэта...
 А посмотри на небеса:
 Над полем — света полоса,
 И только Слово выше Света!*

Между Альфой и Омегой, являющимися первой и последней буквами греческого (ионического) алфавита, а в Откровении Иоанна Богослова — символами Бога, как начала и конца всего сущего, поэт, как тот мудрец на берегу реки, осмысливает свою, поэтическую «теорию строения Вселенной», прокладывает свои валентности. С точки зрения богословия, можно, конечно, поспорить с восклицательным утверждением: «И только Слово выше Света!», вспомнив, что Господь говорил «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8: 12). Игорь Тюленев должен был доказать это своё утверждение, объяснить, почему он поставил Слово и Свет на разные смысловые уровни. Может быть, подразумевая, что Свет, как говорит современная физика, является посредником между человеком и миром, так же, как в его стихотворении, над полем — света полоса является посредником между землей и небом. Но связь русского поэта с Отчизной бесспорна, как бесспорна связь

души и тела, образа и сущности. Сущность мира скрыта от человека. Но с помощью образов, поэтических в частности, наличие которых является признаком духовной жизни, мы можем приблизиться к разгадкам многих тайн нашего бытия. И поэзия Игоря Тюленева немало в том нам помогает.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ,
литературный критик,
заместитель главного редактора журнала «Родная Ладога»,
Санкт-Петербург, 2015

БАЯН-БУЯН ПЕРМЯЦКИЙ **(мысли по поводу творчества Игоря Тюленева)**

Кто сегодня из живущих, русской литературой не знает поэта-пермяка Игоря Тюленева? Все знают. И не просто знают, но и в обязательном к нему отношении — либо любят, либо терпеть не могут. Это отношение не зависит ни от расстояния до объекта отношений, ни от долготы знакомства, ни от плотности общения с ним. Потому что это отношение не к конкретному человеку, а к общественному явлению. Или даже природному. Зевсоподобный внешне, Игорь и внутренне громокипящий, бурлящий бражным восторгом живой плоти. Потому даже в свои лунеседы шестьдесят он моложав, и, кажется, что останется таковым ещё на шестьдесят, ибо такую бродящую и бродячую натуру нельзя помещать в меха ветхие.

*Я живу, как страна, наугад.
И не ведаю слово «запрет».
Достоевским я не ужасн,
А разобран, как велосипед.*

*Вправо катится колесо,
Как отеческий алфавит...
Слева — сердце, ему хорошо!
В богатырской груди лежат.*

*Ну, а ежели лук смастерить,
А потом натянуть тетиву?*

*Можно в небо глагол запустить,
Рукавицу иль булаву.*

*С неба сыплется виноград,
Значит в кущах райский обед.
Ставит свечку Тюленев-брат!
Смотрит в небо Тюленев-поэт!*

Эта вот неразделимость брата-поэта, как буяна-баяна в русской неужатости — когда человек не точно знает, толи ему свечку поставить, толи запустить в небо рукавицей — а как настрой пойдёт! — зачастую мешают рассматривать Игоря Тюленева именно как поэта, как стихотворца, от одного только имени всплывающего перед глазами портрета склонного к полноте усатого гусара в белых лосинах и при сабле.

Вот и Игорь своей мажорностью в причёске, в национально-гражданском и поэтическом патриотизме равно впечатляющ, что и мешают читать его книги «вслепую», читая только «что» и «как», без при-мешательства личности автора.

*Я, как солдат, побрился шилом,
На мне тельняшка, как броня.
Свет током пробежал по жилам
В просторы русские маня.*

*И я пошёл за ним по миру,
Взял ускользящую нить...
Сорвал с музейной полки лиру,
Чтоб женщин с песнями любить!*

*Сначала был для всех хороший,
Потом я стал для всех плохой!
С такой-то знаменитой ношей?
С такой-то лирой, Боже мой!..*

Может ли такой человек не вторгаться в самую гущу событий, пропускать мимо себя бури, пожары, бунты и наводнения, может ли проспять энтузиазм БАМа, распад СССР, расстрел Парламента, сдачу Русского Кавказа... Говорить в лицо, говорить во весь голос о том, что восхищает или коробит, что, по его искреннему убеждению, навсегда

хорошо или навсегда плохо — кредо Тюленева, и потому его либо любят, либо не терпят. А ему комфортно в этом предельно контрастном мире, да по-другому он просто и не смог бы двигаться по жизни, он просто ослеп бы в переливах полутонов и рефлексов, увяз-утонул бы в податливости, в несопротивляемости материала. Ведь «...я рос в тайге, а там тайга — закон! И если ты слабак, то могут слопать». И потому:

*Потому что мне стыдно за сырых и бедных,
За доверчивых, чистых, наивных, простых.
Не сдаётся поэт, он обязан быть вредным,
Костылём в глотку дурня вбивать русский стих!*

Таков он, вредный пермяк Игорь Тюленев, что мимо не пройдёшь, не забудешь — «Нам Кама вместо Иордана». Однако же, а не есть ли в этой неразбираемости баяна и буяна некая искусность, некая игра? Конечно! Только игра эта чистосердечная. Ему нравится нравиться, иначе не стал бы поэтом. Да, может быть, слишком мажорным, слишком размашистым, много внешним. Но кто знает с Игорем достаточное количество лет, тому нетрудно перейти эту буйность, преодолеть внешнюю бравадность, чтобы разглядеть истинную природу его творчества. И любому опыт подсказывает: под звонкой кимвальной брутальностью всегда прячется некогда кем-то или чем-то пораненная нежность. Шишкастая царапающая корка панциря — оболочка, под которой смертная незащищённость.

*Какой сегодня в окнах звездопад!
Сбежим от домочадцев на веранду?
Ты видишь, тучка миллион наград
С груди срывает космоса-гиганта!*

*Набросим плед и в креслах поплывём,
Качаясь в самом центре мироздания...
Мы никуда отсюда не уйдём,
Божественное чувствуя дыхание.*

И где тут гусар, склонный к полноте и при сабле? А далее и совсем небоевое-небуйное, внуку:

*Не обижайте малышей,
Они воркуют словно птицы.*

*Их ангелоподобны лица
В лучах цветных карандашей.*

Тюленевская замажорная тайна — его раннее сиротство. *Мать, мама, матушка моя...*

*...Под сенью русского креста
Навеки скованы уста.
Ты не прочтёшь моё посланье,
Я не услышу голос твой,
Ушла ты в землю молодой,
Оставив небесам рыданье.*

Слишком рано Игорю пришлось осознавать свою крайность в роде. Рано пришлось отстаивать себя, отстаивать своих, отстаивать собой. Тут-то и стали потребны упёртость и нахрапистость, отсюда появился прячущий слезинку вызывающий сощур, и быстрее мысли кулак.

*В родительском доме
Не жить мне и дня.
В родительском доме —
Чужая родня.
Чужие портреты
Висят на стене.
Чужие заветы
Бормочут во сне.
Чужие с чужими
Твердят о чужом.
И страшно мне с ними
Быть в доме своём.*

Страшно — слово-ключ. Да как же было мальчишке в противоположной его незащищённости не загреметь, не загромыхать, не завредничать? Да что б ни у кого из чужих и мысли не мелькнуло, что ему страшно. Зато много позже, когда уже вся Россия оказалась родительским домом, заполненным чужими заветами, когда сиротами осознали себя все по-русски доверчивые, чистые, наивные, простые, когда наступило вселенское сиротство, и, ох, поплыли по русской литературе сладострастные плачи и причитания, засуетились старче-

ские истерики, затряслись немощные проклятия и обиды. Пропало, всё как-то разом пропало: и деревня, и космос, да и сама русская литература кончилась...

Вот тут-то он, имеющий страшный недетско-детский опыт стояния на своём буян, а теперь известный русский баян, он, Игорь Тюленев, встал на своё, Богом ему уготованное место. Встал, навсегда моложавый в бурлящей таёжно-пермяцкой неужатости, в судьбой выстраданном праве быть слишком мажорным, слишком размашистым, много внешним:

*Какой уж есть,
И никакой другой.
Дружи, не хочешь —
Не дружи со мной.*

*Я всё сказал,
И мой глагол — кремень!
Как в тьме крошечной
Новый русский День.*

Василий ДВОРЦОВ,
Секретарь правления Союза писателей России
2015

ПОЛНОЧНАЯ ЗВЕЗДА

Горит полночная звезда,
Над милой Родиной стократно.
Не возвращаются года,
Как Божий бумеранг, обратно.

Не возвращаются года
И люди, что уйдут сегодня.
Горит полночная звезда,
Как свечка на столе Господнем.

* * *

Я слышал древние глаголы,
Витал над ними горний дух,
Сквозь снег и лебединый пух
До райских врат простёрлись долы.

Брели без пастухов быки,
На холм всходила Русь святая,
У края жизни затухая,
Тянулись к Богу старики,

Господь не скажет: «Уходи!»
Тому, кто Савлом звался прежде,
Слова любви ведут к надежде,
Что б не случилось впереди...

* * *

Качу по матушке России,
Врос карандаш в мою ладонь.
Во мне ревут такие силы —
Попробуй-ка меня затронь?

То к Юре в Омск. А то до Бийска.
К Валерке во Владивосток.
Всё далеко, но так всё близко.
Коллайдер — для разгона строк!

Ермак плечом Иртыш колеблет.
Мелькнёт над степью Тимуджин.
А храбрый русский Богу внемлет,
И нарушает вновь режим.

Не ради ж голого престижа
Нас в эти дали занесло?
Легко без Рима и Парижа,
А без Байкала тяжело.

* * *

Жизнь прошла, и не заметил;
Детство, скачки босиком.
Папа с мамой на рассвете,
Как два деревца вдвоём.

В Каме золотые рыбки
Утром подожгли простор.
Мне родительской улыбки
Не хватает до сих пор.

Догорят скороговорки
Века прошлого в золе.
И мальчишечьи разборки
Ссадинами на скуле.

Пусть чужих чужой жалеет
Потому что всё равно.
Чешуёю пламенеет
Змей, вползающий в окно.

Да какой там змей?! То Кама
Отразила свой изгиб.
Где с баркаса ловит мама
Золотых, как солнце рыб.

НА РОДИНЕ

Кубок полон! Жизнь — малина!
Пусть осталось четверть дня...
Вместо Саскии — Ирина
На коленях у меня.

Наконец с тобою вместе
Станем пить и песни петь!
Божий Сын уже воскресе
И Его не тронут впредь

Ни пилаты, ни иуды,
Ни гнилой Европы дым.
Атеисты-шалопуты
Пусть глотают аспирин.

Мы же выпьем «Саперави»,
Позабывтое вино.
Нынче мы здесь балом правим
И в сельпо берём его.

* * *

Дешёвые духи.
Дешёвый самогон.
Животный жар души
Умноженный на лето.
Простые облака
Плывут со всех сторон
Их нечем причесать,
Как гриву у поэта.

Сию себе в глуши
Да трубочку курю.
В моей Книге судеб
Уже не все страницы.
Кто на сигарки рвал,
Того я не виню.
А то, что я свиреп —
Об этом врут девицы.

Заблудшая оса
Присела на листок.
Не этого боюсь,
Что вытопчет глаголы.
А просто, всяк сверчок,
Обязан знать шесток.
Оса должна летать,
Должны скакать монголы.

Что должен делать я?
Россию прославлять.
Россию прославлять,
Её холмы и доли.
Что должен делать я?
Россию защищать
От пушек и ракет —
Скачите к нам монголы.

К ПОЯСУ БОГОРОДИЦЫ

В храм тянется толпа народа,
Над ними — облака в платках.
Хотя не Пётр стоит у входа
С дубинкою и сапогах.

В Москву из славного Афона
Реликвия привезена...
Паломники в кольце ОМОНа,
Не ропщут, как в тот миг Она,

Когда всходил на крест Спаситель
Земной заканчивая путь...
Смотри, в военной форме зритель,
Как к храму русские идут.

* * *

«Какие красивые дети»

А. Передреев

Какие красивые дети!
Они и должны быть такими.
Они убегают в поэты
И слава витает над ними.

И смотрит Господь Милосердный
Под сводами русского храма.
Где бич Божий — колокол медный,
Защита ребёнку от Хама.

Всё правда... Но Дух Отрицания
Выходит уже на дорогу:
— Купите Иуды лобзания —
Людскому нужны они роду.

Купите, купите, купите!
А не на что — душу продайте...
Вот Зло мировое — смотрите,
И то, что не знаете — знайте.

* * *

Время выпало внуку поэта родиться,
Невзирая на строй, на политику, лица...

Первый день, а он что-то мудрит о своём.
Мы в губастике этом себя узнаём!

Прокричал на весь мир, на секунду забылся,
Потому что не верилось — взял и родился?

Грудь, терзая у матери ангельским ртом,
Он не знает, что будет — сейчас, я — потом.

Внуку я отдаю города и деревни,
И великий язык — в мире есть ли напевней?

И от моря до моря людей океан.
И рассвет, и закат, и зенит, и туман.

И космический атом, затерянный в штольнях.
Шашку в ножнах, посева пшеничные — в зёрнах.

Ум и разум с талантом, чтоб дыры латать
У Державы, которую будут кусать.

Но врагов я пока оставляю себе,
Ведь не зря же у деда разряд по борьбе.

* * *

Рощи выбежали к насыпи
Рельс послушать перезвон.
Словно золотые россыпи
Света — с четырёх сторон.

Ранней осени ущербность
Красит листья в жёлтый цвет.
«Эту чахленькую местность»
Русский описал поэт.

Сколько бы его другие
Не пытались обогнать.
Их цветочки полевые
Будут за ноги держать.

ВНУКУ ИГОРЁШЕ

Не обижайте малышей.
Они воркуют словно птицы.
Их ангелоподобны лица
В лучах цветных карандашей.

Откроет небо створ зари,
Тепло просыпав из авоськи.
Слова взлетят, как снегири,
От лая беззаботной моськи.

Не обижайте Игорька
За то, что Игорьку не спится.
Уж колесом без ободка
Светило катится на спицах.

Он ещё дитяtko, дитя.
Любви сечение золотое.
Он отвечает вам, шутя,
На замечание любое.

Ну а пока он слишком мал
Хотя растёт невероятно!
Но как непостижим Байкал —
Речь ангелов нам непонятна.

БЕРЕЖОК

Детей ведут на бережок,
Чтоб камешки искать в песочке.
Качает небо ястребок.
А дети — «дочки» и «сыночки» —

«Пекут блины» в длину волны,
Чтобы вдохнуть глоток свободы.
На крик: — Домой! — ответят: — Хмы...
Ломая мамины цейтноты.

Где гальки около бортов
Моторных лодок и баркасов,
Взрывались, речку расporов,
И разговаривали басом.

Кто речь камней не понимал,
Те обходили место битвы.
Я внуку камни подбирал,
Согнувшись, как в словах молитвы.

А внук хохочет на бегу,
Швыряет в воду камни смело.
Пасутся козы на лугу,
Набив травую козье тело.

* * *

Тучи, как женские боты,
Мнут на лугах городьбу..
Слышишь, гудят пароходы.
Месяц залез на трубу.

Скоро им в дальних затонах,
Словно солдатам стоять,
Где во вселенских загонах
Прячется белая рать...

Нынче ко мне не доедешь
Ни по воде, ни по льду.
Слышу над ухом: — Ты бредишь!
Слышу, а встать не могу.

Не потому что не верю
В тихое счастье своё —
Выдержит ль эту потерю
Бедное сердце моё?

ЛЕСОПИЛКА

Целовались мы за лесопилкой
В прошлом веке на закате дня.
Твоя шея с тоненькою жилкой
Безрассудным сделала меня.

А потом мы воду из колодца
Пили оглушёно хохоча!
В прошлом веке догорало солнце
С треском, как бенгальская свеча.

Если б я тебя любил, к примеру,
Сразу б потускнели наши дни.
Не вздыхай — я женщинам не верю,
Потому что женщины они.

ПОПУТЧИЦА

Из купе, как из палаты,
Вышла, очи накреняя.
Как на мужа в день зарплаты,
Посмотрела на меня.

Пусть ножонки худоваты,
Хрупок зад и рот широк,
Грудь и волосы из ваты,
И умишка с ноготок.

Из одежды — только шорты
С абажурной бахромой,
Слабый родничок аорты
Освежает сердце в зной.

Здрасьте, остренькие плечи
И колени, как ножи,
Может, жить мне станет легче
Под блестящим солнцем лжи.

ДЕРЕВНЯ

Заросла лопухом и крапивой,
Не найти ни окон, ни дверей.
Замутились нечистой силой
Озерки, где таскал карасей.

То, что брошено — не безобразно.
Значит, я этот вид заслужил.
Потому что бездумно и праздно
Я отцовскую жизнь доносил.

Покаянная ночь бесконечная,
За свечой догорает свеча...
Лишь поэзия — стерва сердечная, —
Из-за левого смотрит плеча.

ЖЕНСКИЙ СОН

Люблю смотреть на женские тела,
А баб природа-мать не подвела!

Где дышит под мужской рукой глубоко
Бегущая меж двух грудей дорога.

Смотри, по склону женского холма
В тартарары стекает вся молва.

Почти не помня слов, прошепчут губы:
— Одних любовь хранит — других погубит!

Откуда этот дар любви берётся?
Но вот заря и в самом центре — солнце!

Проснулась женщина и вот уже поёт,
Подставив поцелуям сладкий рот.

* * *

Задела, как бы невзначай,
В потоке мутного вокзала,
Сказала: « Здравствуй и прощай!»
И в междометиях пропала.

Я сразу тот узнал вокзал,
Как пульс на собственном запястье,
И посреди вокзала встал,
Как вкопанный по уши в счастье.

В душе виденье пронеслось,
Сквозь жар и запах сеновала,
Сердца захлёбывались врозь,
Луна лучами трепыхала.

Я ничего не говорил,
Ты ничего не говорила,
Я никого не разлюбил,
Ты никого не разлюбила.

МОСТ

На мосту стоял с тобой
И смотрел на воду.
Так бы мог стоять любой
В тёплую погоду.

А сегодня ветер дул,
Вверх волну бросая...
Я тебя к себе пригнул,
Как бы защищая.

С той поры, как ты да я...
Минула неделя.
Мимо скачет по делам
На печи Емеля.

Он кричит: — Что, подвезти?
Вы уж посинели!
— Ты меня не отпусти... —
Шепчешь еле-еле.

Я затылок почешу,
Торопясь с ответом:
— Я тебя не отпущу
Ни зимой, ни летом.

Пролетело тридцать лет
И ещё три года.
Почему от слова «Нет»
Портится погода?

* * *

Сердце радостно забилося
В тесной клетке костяной.
Будто бы освободилось
Вместе из тюрьмы со мной.

Пульс наполнен. Слава Богу!
Есть волнение крови.
Молодцу пора в дорогу,
Чтоб погибнуть от любви.

КАЧЕЛИ

Качели нашей юности взлетели,
Чтоб в небесах остаться навсегда.
И мы с тобой не то чтоб не успели,
А просто не пришла ещё пора.

Но память возвращается качаясь,
Как маятник, летящий мимо глаз.
Я каждый раз за свет любви цепляюсь
И вслед смотрю, и думаю о нас.

* * *

Прут облака из-за бугра,
Скучны, как чуждые идеи.
Встал, отложил Четьи-миней¹,
Равнину ночь обволокла.

Мне на свидание пора,
Я ничего уже не слышу...
Звездой пробивает крышу,
Как крошкой с Божьего стола.

По свежей грязи в сапогах
Гребу через овраг к любимой,
По Родине необозримой,
Растерзанной и в пух, и в прах.

---

¹ *Четьи-миней* — предназначенные для чтения книги житий святых православной церкви, повествования в которых излагаются по порядку месяцев и дней каждого месяца.

* * *

Говори со мной попроще,
По-простому говори,
Словно птицы в дальней роще,
Задыхаясь от любви.

Словно матушка с младенцем,
Медсестра со стариком,
Говори, как если б с сердцем
Говорила ты тайком.

Мне ведь лишнего не надо,
Пусть по-русски льётся речь,
Словно ручеек вдоль сада,
Сада райского сиречь.

* * *

Наташе

Ты — свеча моей печали,
Ты — пожар моих тревог,
Я — в конце, а ты — в начале,
Путь твой долог и далёк.

Высохнут большие реки,
Тыщу раз умрёт трава,
Но пребудут в человеке
Эти тихие слова —

Ты — свеча моей печали,
Ты — пожар моих тревог,
Я — в конце, а ты — в начале,
Путь твой долог и далёк.

С ГОРКИ

В снежно-белой пелене
Ты с горы летишь ко мне,
И звенят полозья санок,
Словно чайки по волне.

Как стрижи по облакам
Или пчёлы по рукам.
Словно чиркают синицы
Мокрой спичкой по снегам.

Не берёт меня мороз,
Ибо я великоросс,
Хоть и маленький покуда,
Но во весь свой школьный рост.

Притаился под горой
В лисьей шапке золотой.
Потому что хоть секунду,
Я хочу побыть с тобой.

Скорость, вычислив твою,
Валенком с саней собою.
И колючим поцелуем
Твою щёку уколою.

Нету детским снам конца,
Позовут домой с крыльца.
Побреду учить уроки
Под цензурою отца.

САД

В багрец и золото...
Вот осени начало.
Холодным духом веет от строки.
Дабы костям продутым полегчало —
На печки спешно лезут старики.

Из птиц — одни сороки-белобоки,
Не улетели за теплом на юг.
Проходят все отпущенные сроки,
Проходит всё...
Да и любовь, мой друг.

Горячим чаем разогреем плоть,
Возьмём лопату, черенки от вишни.
Сад разобьём,
И может быть, Господь
Нас ненароком в том саду отыщет.

ЛЕТО

На улице гора, а за горой
Откроется равнины панорама.
Летит река подковой голубой,
Даже стрела и та летит не прямо.

А дальше поле, а за полем лес,
А за лесами снова даль без края.
Не помню, с бабы или с печки слез,
Невыносимо мышцами играя.

Отринул двери, обломал крыльцо
И со всего разлёта прыгнул в реку.
Из носа лодки вырвалось кольцо,
Когда она рванулась к человеку.

Я вышел и столкнулся с лопухом,
Упал на холм — на солнышке погреться.
В окошко кто-то женским кулачком
Стучит, стучит, как между рёбер сердце.

ПОСТОЯНСТВО

Я в юности, одну тебя ценя,
Спросил: «Согласна выйти за меня?..»
А ты в ответ, весёлая такая,
Всё хохотала, зубками сверкая.

Прошло полвека. У твоих ворот
Я вновь спросил, бельмом в глазу сверкая,
А ты в ответ, весёлая такая,
Хохочешь, распахнув беззубый рот.

КРЫМСКАЯ ТАТАРКА

Вагон не шатко и не валко
Вокзал оставил за спиной.
По насыпи бежит татарка,
Татарка крымская за мной.

Куда несёшься, дева юга,
С фигурой колкой, как джейран?
Да, ты была моей подругой,
А другом был моим стакан.

Мешал я водку с коньяками,
Первач и лёгкое вино.
И спорил с тюркскими богами,
Когда в стакане видел дно.

Не так, как Жилин и Костылин,
Тебя от скуки привечал.
Я был влюблён в тебя, настырен,
Я на руках тебя качал.

Ты мне, конечно, не сестрёнка
И не законная жена.
— Я жду! — вслед прокричала тонко.
Я знаю, что ты ждать должна.

В Россию катятся составы,
Как слёзы из собачьих глаз.
Прощайте, южные забавы
И девы, любящие нас.

ОДИНОЧЕСТВО

Последние сожгу дрова
И чайник вскипячу.
Последние скажу слова
И потушу свечу.

Я должен быть один как перст,
Чтоб слышать Божий Глас!
Когда горит огонь сердец —
Не отвлекайте нас.

Последние сожгу дрова,
Дверь за собой запру.
Мы ночью постучались в рай
И разошлись... к утру.

ПЛАЧЕТ ЖЕНЩИНА

Плачет женщина над страницей
Тихо-тихо, почти не дыша,
А за окнами носится птица
Или чья-то шальная душа.

Может, чьё-то письмо запоздало,
А не думало запоздать,
Но слезинка на строчку упала
И заставила строчку дышать.

Потому ли, что жизнь быстротечна
И не всё, что в душе — на устах?
Плачет женщина, ночь бесконечна,
И опять что-то в мире не так...

РАЗЛУКА

Вот и вымолвил несколько слов,
Вот и вся запоздалая плата,
Лёгкой верой гонима куда-то,
Ты становишься меньше зрачков.

Пусть мой ангел тебя сохранит
В небесах, на воде и на суше,
Воздух, что из-под крыльев свистит,
Может быть, твои слёзы осушит.

ЛЮБОВЬ

Любовь — опасное занятие,
Когда змеёй сползает платье,
Являя пару стройных ног.
И тёмн, в то же время светел,

С седьмых небес слетевший ветер,
И яко уголь — любовный слог.
Опомнись! — но глуха природа,
Мы стали кладкой небосвода,

Плывёт косметика с лица...
Твои глаза полузакрыты,
Друг к другу мы с тобой прибиты
Тяжёлым молотом Творца!

Качнулся лепесток в Эдеме,
Цифирь сменилась в теореме,
Пронзил Отчизну женский крик...
И я открыл глаза... и вздрогнул!
И вновь закрыл и не отторгнул
Обезображенный твой лик.

* * *

Всё пройдёт, любимая, как прежде,
Даже эта смертная тоска,
В полночь я сорву с тебя одежды,
Страсть блеснёт, как в море острога.

Уплывёшь в сердечные туманы,
В запах трав и шорохи листвы...
Зазвенят гранёные стаканы
И заноят боевые швы.

А потом на облачной постели,
Необъятной, как душа творца,
То ли угли, затухая, тлели,
То ли утолённые сердца.

* * *

Не таи вселенскую печаль,
Не мути очей слезой невольной,
Знаю, что терять друг друга жаль,
Но зорить чужие гнезда больно!

Потому-то Бог меня простит
И укроет русская долина,
Но душа, как осенью рябина,
Заживо у ног твоих сгорит.

* * *

О, женщины! —
Зачем они мне...
К чему кипение крови.
Забудешь то и это имя,
Но так и не найдёшь любви.

Потом на печке
Иль в кровати
Треща от старости костями,
По именам вдруг станешь звать их,
Как будто бес огрел плетью.

АВГУСТОВСКИЙ ЗВЕЗДОПАД

Звёзды падают на луг,
На перо и на бумагу.
В чашу падают на слух,
Чаще на любовь и славу!

Освещаются слова
Некоторые сгорают.
Мужикам всё трын-трава.
Бабам спины обдирают.

Ильин день уже прошёл
И купаться не повадно.
Прыгнешь в речку полугол,
Голым выпрыгнешь обратно.

От луны клубится пыль —
Замудохали кометы.
А в кустах сидит Сатир,
Словно пограницы в секрете.

Без утраты и потерь
Я в кусты швыряю камень
Прямо в лоб ему, поверь!
Высекая синий пламень.

Синий пламень. Пыль луны,
А в кладовке серп и молот...
Август мне швырнёт взаймы
Две пригоршни звёзд за ворот.

КОМАРОВО

Налево Псков, направо Выборг
На слух слова звучат басо-о-во...
Но у меня всегда есть выбор —
Я выбираю Комарово.

Перед калиткой голый веник,
Которым, если постараться,
Сметёшь поэтов муравейник
Через сосновый лес до станции.

Любая подойдёт погода,
Когда кипит стеклянный чайник.
Велик в любое время года
Поэтов и небес Начальник!

Над ухом тренькает синичка,
Срезает бровь сухая ветка.
Стучится в Питер электричка,
А Муза в дверь стучится редко.

КОБРА

Ты лежишь красивая, как кобра,
Юная священная змея.
Словно сердце раздвигает рёбра —
Так глаголы рвутся из меня.

Только не рассказывай об этом,
Твои губы пухлые чисты.
Видишь, как томятся под запретом
В лоне вод деревья и кусты.

А тогда у речки Монастырки
Я сказал: — Любовью напои!
Я был скромн, тих и не настырен,
Пальчики перебирал твои.

Словно пианист клавиатуру,
Хоть из зала зрители ушли
Проклиная русскую культуру
От которой вдруг с ума сошли!

Вот и я с ума сошел, конечно,
Как при виде кобры майский кот.
Криками, разламывая вечность
И пугая питерский народ.

ГОРОДСКАЯ ОКРАИНА

Дома картонные, бумажные,
Труха и пакля лезут в паз,
И в основном все двухэтажные,
Все чёрно-серые в анфас.

Во двориках, как у Поленова,
Поленницы горбатых дров.
Портреты Энгельса и Ленина
Взирают из сырых углов.

В чулане дедовская четверть
Початая, с живой водой...
Знать старший сын закончил четверть,
Шумит, как месяц молодой.

За стенкой, словно в пушку ядра,
Вбивают в платье девки грудь.
Поздней у городского сада,
Ты подмигнуть им не забудь.

Тяжёлые кусты сирени
Ломают чахлый палисад.
Я здесь мёд пиво пил со всеми,
Тому лет двадцать пять назад.

Сейчас случайно, мимоходом
К ним ненароком загляну,
Чтоб зацепить плечом ли, оком,
От нас ушедшую страну.

ЗВЕРИНАЯ ТОСКА

Товарищей не так уж много,
Хотя знакомых — пруд пруди.
Пожалуй, что единорога
Не встретил на своём пути.

Грущу под гомон женских стаяк.
Пью в привокзальном кабаке.
В окне — эскорт сибирских лаек
С топтыгиным в грузовике.

Блестит в его зверином взгляде
По лесу смертная тоска.
А в грузовик чего ж он ради
Залез? И едет он куда?

* * *

Не пропал куда голос,
На душе не сиротливо.
И серебряный мой волос
Плещет золотом отлива.

Возраст осени от лета
Отличается листвою.
Жизнь моя — судьба поэта,
Я люблю её такую.

Небо — словно лист калёный
Побежалости высокой.
Отлепился лист кленовый
От светила желтобокий.

Перевить снопами света
Мир вселенской красоты!
Это родина поэта —
Знаю я и знаешь ты.

Будь он умный или дурень,
Кем его назначил Бог,
Как Есенин или Бунин,
Защитит он русский слог!

РУССКАЯ ТРОЙКА

Тройке русской всюду узко!
Ветер прячется в ноздрю.
У Европы сжалась гузка,
Знаю, что я говорю.

Три блондинки, три отваги.
Скорость гривы шевелит.
Им зима рисует знаки
Вихрями из-под копыт.

Пастью пала в снег собака,
Что отстала вдалеке.
Сполз тулуп, за ним фуфайка.
Мчит возница налегке.

Что кричит? Уже не слышно.
И не важно, что кричит.
Небо вспарывает дышло,
Но уже не тормозит.

Может всё, даже поэта
Петь заставить и плясать!
Потому что воля это!
Тройки бешеная страсть.

**ПОСЕЩЕНИЕ
ВЫСТАВКИ КАРАВАДЖО
В ПУШКИНСКОМ МУЗЕЕ**

Ах, Караваджо! Караваджо!
Когда б я так же мог в словах
Отобразить, что сердцу важно,
Что зреет в золотых умах...

Как ты, разбойник, на дуэлях,
Разить подонков и врагов!
Кричать: — Мели, твоя неделя!
У инквизиторских столбов.

А «мальчик с сочными плодами»?
Ну, просто итальянский бес!
Кудрявый, с красными губами,
Как беззаботной жизни срез...

Твой Савл — злодей, убитый Светом,
Лежит свалившийся с коня.
Вооружён Новым Заветом,
Он встанет Павлом для меня.

Меж небом и землёй святыня —
Холст «Положение во гроб».
Вокруг Христа стоят родные
К Солнцу Любви склониться чтоб...

Сквозь кожу свет иной сочится
Космический и неземной...
Мазок на полотно ложится,
Как луч на грудь ложится в зной.

Вот так художник Караваджо,
Как Тохтамыш пришёл в Москву!
Глядишь... и с ним не хочешь драться.
Готов Москву отдать ему.

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Вот император русских слов,
Науки и литературы!
Гроза дельцов и дураков,
Норманнской клики и халтуры.

«Шумит ручьями лес и дол:
— Победа, русская победа!
Но враг, что от меча ушёл
Бойтся собственного следа»

Так он о турках написал
В стихах на взятие Хотина...
Тот, кто Европу обскакал
Одной саженью исполина!

Не сто, а триста лет прошло.
Ум русский не забыт богами,
Что сплавил слово и число.
Державу просветил трудами.

А вроде бы простой помор?
Кристалл, спрессованный простором!
Певец стекла из Холмогор,
Виновник прусского позора.

Хоть в Марбурге не бичевал,
Сидел на хлебе и водице.
Вернулся, немцев разогнал
Из академии столицы.

Сплясал, перепугавши слуг.
Сорвал парик, коль сила пышет!
Господним словом праздник дышит!
И Петербург! И Петербург!

Чухонский небосвод, как дом,
В котором слышно звёзд бряцанье.
И смальтой, а не янтарём
Горит полярное сиянье.

ДИЕТА

Опять остался без обеда,
Без мяса, пиццы, без еды.
Для похудения диета
Жрёт, словно тля, мои сады.

Молочные глотает реки,
Кисельные пьёт берега.
И потому варяги в греки
Не проплывут здесь никогда.

А ну его, бороться с весом.
Скажу вам прямо — с естеством!
Я толщину зову прогрессом,
А похуденье — баловством.

Худые — злые, точно черти,
Готовы лаять на собак.
А полные, уж мне поверьте,
Добры — хоть умный, хоть дурак!

Пока на кухне холодильник,
Словно кремлёвский часовой
Стоит. И сала белый слиток
В нём отливает синевой.

Не в радость будут все диеты —
Раблезианства сладок звон!
Где гузка, шкварки и паштеты
В твой рот плывут со всех сторон.

Молчу о жареной картошке
В печи на сале нутряном.
Потей на беговой дорожке,
Я ж в кухню родины влеком.

Где окольцован поросёнок
Свежепросольной ветчиной.
Тетёрка, рябчики, курёнок
С капустой кислой и айвой.

И кулебяка с растягаем,
Анчоусы и артишок.
Всё красным квасом запиваем
Иль водкой ледяной — чуток.

Крутая гречневая каша,
Я ем её с густым борщом.
И свеженькую простоквашу —
Желудок ею бережём.

Про суп-пюре из репы с уткой
Скажу вам — сытная еда!
А сверху — пироги со щукой...
Не встанешь с места никогда.

Попробуй пирожки с мозгами
С телячьим ливером... Потом
Настойки, вина и бальзамы,
Ватрушка с творогом бочком

Протиснется. За ней оладьи,
Облатки, трубочки с вином.
Компоты, муссы точно братья
Хотя живот набит битком.

В качалку ляжем под навесом,
Пускай завяжется жирок.
Жизнь лирика с огромным весом —
Любви и творчества залог!

ОДА РУССКИМ ПЕЛЬМЕНЯМ

Из липы выдолблю корыто,
На круге сечку заточу,
Потом в ледник, где с глаз сокрыты
Три туши — мяса нарублю.
Немного от медвежьей ляжки,
Кусок побольше — от лося,
От кабана, что толще Дашки,
Сколько потребует душа.
Кровавые пласты в корыто
Швырну! И сечкой сверху: «Кха!»
Как гильотина плодовита,
В корыте красная река.
Щепотку перца, следом соли,
За луковицей лавра лист
Не жди... всё посчитится вскоре,
Пока в корыте фарш лежит.
Супруга раскатает тесто,
Нарежет рюмочкой круги.
На всех гостей, куда тут деться,
Щиплю пельмени в две руки.
А дочь на холод их выносит,
Жена следит за кипятком.
Уж водка, распуская косы,
По штофу ходит босиком.
В тарелке вздрагивает студень,
От страха лопнул помидор,
Слюну на грудь роняют люди,
Пельменный проводя собор.
Но вот ударил дух упругий
Из кухни, ноздри разодрав,
И всяк двуногий и двурукий

В единый превратились сплав.
Никто не видел, как шумовка
Ловила белых лебедей,
На блюдо их, швыряя ловко,
На дно ныряла за людей.
А штоф уже пошёл по кругу
И водка, и вино лилось,
Пока я что-то вякнул другу,
Над нами блюдо пронеслось.
Секунду над столом зависло,
И в самый центр с разлета, хрясь!
Пар дыбом встал, как мысль из смысла,
На лампочку облокотясь.
Поехало, пошло веселье,
Звенели рюмки и ножи,
И вилки острое движение
Моей коснулось бороды,
Но траекторию закончив,
Вонзилась с радостью в пельмень,
Он над столом взлетел, как кочет,
Любимец русских деревень.
А я его сначала в уксус,
Затем в горчицу, майонез.
Потом на клык... Он сразу душу
Наружу выставил, подлец.
А где душа, там наша песня,
Как пламя вьется над столом.
Всего-то водка, фарш и тесто!
А словно короли живём.

* * *

Сентябрь.
Бежит с учебниками ранец,
По вытопанной долларом земле...
«В своей стране я словно иностранец» —
Твои слова, Сергей, открылись мне.
Открылись и Рязани, и Союзу.
Я что-то сам стараюсь изменить,
Словно собаку прогоняю музу —
Пытаюсь русских Родине учить.
Не рыжики солить или волнушки,
А как реке остаться в берегах!
Где даже лошадь говорит по-русски,
Стреноженная в заливных лугах.

* * *

Под «Прощание славянки»
Покидаю город свой,
Покидаю пушки, танки
И стальной рабочий строй.

Я при всех целую город
В пролетарское лицо.
Раскололся древний молот
(от Демидовых ещё...)

Крутится над Камой чайка
Циркулярною пилой.
Мне рассказывает байки
Некто едущий со мной.

Всхлипнет речка Егошиха
Разгребая пермский сор.
Как кунгурская купчиха
Сылва вскидывает взор.

Впереди Сибирь с Востоком,
Словно водка с коньяком.
Сокол мой, взлети высоко,
Чтобы знать куда плывём.

ПЕРМСКИЕ БОГИ

«Голодный огонь христианства

Пожрал деревянных богов»

Юрий Кузнецов

Сошлись деревянные боги
В музее. И встали кружком.
Пришли они с Камы и Волги,
Пришли, как пехота пешком.

Рубежная Русь замутила
Уральским туземцам глаза.
В ковше солеварниц смочила
Калёные стрелы — буза.

Всё ждут деревянные боги,
Что им, как в лесах Перуну,
Притащат лосиные ноги
И кровью измажут губу...

Не зря угро-финские лица
Подправил крестьянский топор.
Хотелось к Руси притулиться.
Крестом, раздвигая простор.

Пока деревянные боги
Дремали, храпя за версту,
Гвоздём деревянные ноги
И руки прибили к кресту.

Стоят они в пермском музее
И впредь никуда не уйдут.
Ручьями текут ротозеи
И пальцы под гвозди суют.

«Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов»...
А мы возвратили гражданство!
Вернули из праха веков!

Пушай благодарные дети
В музейный торопятся храм,
Отводят грядущие беды
Припав к деревянным стопам.

Я В ЭТОТ ДЕНЬ

Холодно в поле, пустынно в душе.
Окна в домах заколочены.
Словно на фронт все сбежали уже —
Столько следов вдоль обочины.

Мне овощей уже не накопать —
Да потому что не вырастил!
Любит осеннее сердце взмывать,
Я лишь на миг его выпустил.

Сразу умчалось в небесную гать —
Звёздами Бог её выложил.
Любит поэтово сердце страдать,
Любит, а значит, всё выдюжит.

Я в этот день не пойду на войну
Пули цедить бородамищами...
Просто на поле широком усну,
Прикрыв полстраны кулачищами.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КРЫМ

Когда мы возвратимся в Крым,
То станет явью сон России.
Отдали Крым — нас не спросили,
Сейчас решать пришлось самим.

От крика: — Русские идут!
Бандеровцев охрипнет свора.
Бог даст, в Крыму мы будем скоро.
Здесь наши флешы, наш редут!

Весна в Крыму. Огонь и дым,
И Балаклавы бормотанье...
Нас Пушкин вновь обложит данью,
Когда мы возвратимся в Крым.

Вновь станем рифмами бряцать.
В снах героических купаться.
Глаголы пчёлами роятся,
Впиваясь строчками в тетрадь.

Я этим летом въеду в Крым.
— Верхом, как бородатый сотник?
— Нет! Въеду, как стихов работник
Вслед за светилом золотым.

Когда мы возвратимся в Крым,
Лицо умоем в Русском Море.
Белеет парус на просторе,
Россия, с именем твоим!

14 января 2013 г.

* * *

Схожу с ума от русской речи,
Взвалив ум с разумом на плечи,
Под мышкой — классиков тома...

Ты гений? — Нет! Ещё не вечер.
Хотя бы чтивом обеспечен.
Скатилась родина с холма.

Хохочет, как хохочут дети,
Когда пускают вверх ракеты,
Не зная, что за солнцем — тьма...

Империи сейчас не сладко —
Ты это запиши в тетрадку,
Что демократия — чума!

**ПАМЯТИ
ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА**

Вы написали: «Русь отчалила,
Мы на пустынном берегу...»
Нет, мы цепляемся отчаянно
Или бросаем острогу!

Чтоб зацепить, чтоб подтянуться,
Чтоб не уплыла никуда,
Чтоб никакая «революция»
Не надругалась, как тогда...

В Москве воняют псиной нелюди,
Посольства вражие шустрят...
Как листья сзади нас и спереди
Опять доносы шелестят.

Никто их нынче не читает
И не считается никто.
Стоит Россия, чуть качается.
Ржёт либерал, как «конь в пальто».

Не Братство. Равенство. Свобода.
Нас окрыляли в те года —
Вы были языком народа,
Им и остались навсегда!

* * *

Тираны, люди и ослы
Не видят Божий Лик.
Как наконечник от стрелы
Царапнул душу МИГ.

И капля крови на поля
Упала, а за ней
Пронёсся эскадрон, пыля
На потный круп коней.

Как призраки мелькнут цветы,
И рощи пролетят.
А женщины откроют рты
И жизнь всю простоят.

Пока один не видит свет,
Другой не видит тьму —
Бессмертен на земле поэт,
И Бог не льстит ему.

КИТЕЖ

Зазвенели поводья
У коня моего.
Это что — Беловодье?
Или спутник его?

Это царственный Китеж
Куполами блеснул...
Русь не вымерл — видишь,
И не сжалась в аул.

А слегка поднырнула,
Притопилась чуть-чуть.
Как с плота сиганула
В эту донную муть.

Самолёты сигналият.
Пароходы гудят.
Спутники из дюрала
Сквозь стекляшку глядят.

Мир, пощупав руками,
Разрезвилось дитя...
— Не бросай в меня камни. —
Молвит Китеж со дна.

* * *

Кама пахнет древесиной
И вскипевшею волной.
На волне стоит мужчина —
Он туда поставлен мной!

И не чувствуя изъяна
И бахвальства своего —
Люди, словно обезьяны,
Тычут пальцами в него.

Может быть чудес им мало?
Никого я не виню...
Брата брат убил сначала,
Следом — царскую семью.

На Днепре был Первозванный,
А до Камы не дошёл.
Путь неблизкий и недалний...
Мы б ему накрыли стол.

Вместе Богу помолились
Ближним почести воздав.
На воде следы скрестились
Как весною лесосплав...

Даст Господь, увидим сами,
Что в уральской слободе
Есть живущий рядом с нами
Тот, что ходит по воде.

МАМА

Выносит из прошлого Кама,
Флотилии и имена...
Я вижу, стоит моя мама,
Красивая мама моя.

Стоит на носу парохода
И смотрит на наши края.
Я спрятал в стихи твоё фото,
Красивая мама моя.

Жизнь пахнет сырыми груздями,
Ржаною горбушкой — поля.
Моргает большими глазами
Красивая мама моя.

Моргает? А может быть плачет?
Былую печаль не тая...
Плывёт мимо старенькой дачи
Красивая мама моя.

Мне вплавь до неё не добраться
Руками излуку края.
Не сможем с тобой повидаться,
Красивая мама моя

Мы в разных мирах и столетях
Из чащи февральского дня
Живого меня не заметишь,
Красивая мама моя.

* * *

Русь не уходит, не уходит.
Куда она уйдёт от нас?
И кто её туда проводит.
Приказ последний ей отдаст!

Таких не вижу я в столетье.
В тысячелетье не нашлось.
Неблагодарные есть дети 3
От Киева так повелось...

Уходят женщины и слава
Сбегает молодых маня.
А ты налево и направо
Не можешь повернуть коня.

Скакун вдруг превратился в клячу,
Как жердь прогнулся под тобой.
Я понукаю, я не плачу,
Лишь в такт киваю головой.

Плетётся жизнь к заветной цели.
Скрипит планеты бедной ось.
Нагайки-плёточки истлели,
Но вечно русское «Авось!»

По-молодецки в поле гикнем!
Дежура у границ страны.
Авось спасёмся, не погибнем,
С дубинкой ядерной войны.

ТАНКОВЫЕ УЧЕНИЯ НА УРАЛЕ

Здесь траками грызутся танки!
Гремит уральская броня!
В ней различаю звон тальянки
И как могуч пророк Илья!

Как лёд речной спрессован воздух,
Когда равниной танк летит.
И генерал забыл про отдых,
С биноклем, как сова парит

На винтокрылом бронелёте,
Чтоб наблюдать пейзаж войны.
И жизнь, и смерть стоят на взводе
Друг против друга в эти дни!

* * *

Быть снисходительным легко,
Когда жируют графоманы.
Когда пакуются романы,
Как девки в узкое трико.

Быть снисходительным легко,
Как к утлой лодочке — яхтсмены.
И уклоняясь от богемы,
Ты знал — им легион число.

Когда тебя похвалит враг,
Хотя ты враг его системы,
Пусть разные у вас тотемы —
Свет снисходительней, чем мрак.

По небу мчатся облака,
Пейзажи, как блокнот, листая...
Россия — часть земли седьмая —
К нам снисходительна пока.

УРАЛЬСКИЙ

Был посёлок Уральский,
Ну а стал городок!
Где стоит по щенячи
На двух лапах дымок.

Парашютная каста
Кружит над головой.
Там где кормят Пегаса
В небе свежей росой.

Голова у поэта
Кружится от всего.
И от белого света,
И от тени его.

А Господь простодушно,
Словно лес и река,
Красотой кормит души,
Чтоб звенела строка.

* * *

Прощай, последняя записка.
Уходит поезд на Москву.
Вагон раскачивает качка,
Я вслед качаюсь, как могу.

Не стану ничего итожить,
Мотая кепку на кулак.
Ты говоришь, что я хороший.
Раз говоришь — пусть будет так!

БАБОЧКИ

Поезд встал на полустанке,
Как стоп-кадр в немом кино.
И ко мне, словно из банки.
Бабочки летят в окно.

Словно бабы однодневки
Тычутся в моё плечо.
В белом, как на свадьбе девки,
Чертят по стеклу пылью.

А вокруг такие виды.
И стоят такие дни!
Отступают в чашу битвы,
Там где бабочки и сны.

* * *

Ирине

Тот — серый, этот — голубой...
Творится что с моей страной?
Москва дымится без пожара.
Давно в гробу Наполеон,
Как походил тот фон-барон
На европейского хазара.

Так неужели здесь, в тиши,
Под сенью русской каланчи
Мне запретить вдруг кто-то сможет
Писать о Родине стихи
Под ливнем золотой трухи
Всласть, развалившись на рогоже?

А приступ счастья мне знаком —
Так по воротам бьют замком
Покуда их не открывают.
Я всё ещё дерусь со злом,
Хожу сквозь чащу напролом
И мне твоей любви хватает.

ПОЛОНЕЗ

Пластинка крутится, как жернов.
Ритмично патефон скрипит.
А за окном всё тёмно-серо,
Как бы сказал другой пиит.

А пояс каменный Урала
Затянут, как в бою ремень.
Бегут колёса от вокзала,
Пугая избы деревень.

Кромсает сало ножик финский.
Торчит из бочки огурец.
«Прощание с Родиной». Огинский.
Любимый мною полонез.

ПИАНИНО

Девочка открыла пианино,
Словно книгу и калитку в сад.
И открылись горы и равнина,
Женщина и божий виноград.

Над косичками резвилась стужа,
Дым отчизны, вешняя гроза,
Голос государственного мужа,
Толстый шмель и дама-стрекоза.

Музыка волшебная стихия,
Только слово может перед ней —
Выставить полки молитв, стихи ли...
Девочка-душа, играй сильнее!

Музыка — отрава и отрада,
Кто заполнит нотную тетрадь,
И кого Господь поместит справа,
Чтоб смогли ребенку подпевать.

ДЕТСТВО

Игорьку

Всё забудешь, вспомнишь только детство.
Лишь по детству станешь горевать.
Обожая милое соседство —
С жеребёнком по лугам бежать.

Облака висят, как парашюты,
Что поверишь в ангельский десант.
Вот в такие сладкие минуты
Детям раздаёт Господь талант.

А они о Господе не знают
Уросят да на горшках сидят.
А вокруг уже стихи летают,
Музы, словно нянечки галдят.

В маленьком сердечке вспыхнет песня
Разгорится юная звезда...
Остальное в мире взрослых пресно,
Соли не хватает, как всегда.

УРАЛЬСКОЕ КРЕЩЕНИЕ

Нам Кама вместо Иордана,
Во льдах пробитая купель.
Я встал ни поздно и ни рано,
Калиткой прищемив метель.

И вспомнил подвиг Иоанна,
Его геройские черты.
И иудейского тирана,
Толпы раззявленные рты.

И с блюдом девку Саломею
С окровавленной головой...
И бесов, чёрной стаей рея,
Зависших над моей страной.

Не думая об их возврате,
Я босоногим встал на лёд.
Когда мы все друг другу рады —
Мы превращаемся в народ!

Прощения спросив у Бога,
Я окунулся в холод вод.
И батюшка светло и строго
Держал крестом над нами свод.

Как будто Иоанн Креститель
На миг предстал передо мной...
Крещённый воскресил Спаситель!
Исчезло блюдо с головой...

Мне стало легче с ношей крестной.
Всё выдержим, ты, брат, не трусь!
Пока восходит над планетой
И звёздами — Святая Русь!

Мороз стоит в такую пору,
Чем легче нам, тем толще лёд.
Сын Божий русскому простору
Свою десницу подаёт

АРКАИМ

Поедем в город Аркаим,
Москву оставим с Петербургом.
Степей простор необозрим,
А воля льнёт не только к уркам!

Круг города, как солнца круг.
Вселенной тайная обитель.
Как старца скит, как райский луг.
Любой здесь путник — небожитель.

Но вдруг иголки пирамид
Царапнут небо над Челябиной...
Как будто саркофаг летит
Из прошлого — живых карябать.

Страну на мёртвых и живых.
Здесь не разрежешь фейерверком...
Хребёт уральский словно стык
Меж ангелом и человеком.

Бегите в Аркаим души,
Где нам небесный знак был даден.
Волхвам — другой, как падежи,
Как место для планет в параде.

Не зря же город Аркаим
Планетным именем увенчан.
В Париж уже не рвусь, чёрт с ним!
Себя готовлю к новой встрече.

РУССКОЕ ЭХО

Придёт пора, и русских
вспомнят,
Неизданное — издадут.
Словами русскими заполнят,
Всё, что нерусским было тут.

Поймут интеллигент и пахарь,
Всё, что не поняли сейчас,
Бросая чепчик, станут ахать
Девицы бросившие нас.

Мы снова станем русским
эхом,
До всех сердец сквозь «ха!» и
«хмы!»
Мы протрезвоним без помехи,
И выиграем без войны.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Запах вербы, запах жизни,
Запах хлеба и воды.
Кто-то катит по Отчизне
Нимб от взорванной звезды.

Выползают в окна дети,
Как большие муравьи.
Едет лебедь на карете,
Склёвывать зерно беды.

Там, где клюв земли коснулся
Сразу вербушка цветёт.
Облаков живот надулся,
От хмельных пчелиных сот.

Что разбросаны по небу
Пасечником-стариком.
Кто пчелой ни разу не был —
Не бывал черновиком

У Создателя в кармане.
Не взбегал на холм звезды,
Чтоб позднее магелланы
Шли по волнам бороды.

А поэты из десницы,
Вырывали по стиху.
Ведь не ради светской львицы
Я стихами говорю?

А хотя бы львицы ради,
Не безродных дочерей...
Верба, как добытый радий,
Вспыхнет женщиной моей.

Как царица пред божницей
Верба в хрустале стоит.
Я поеду на ослице
И сорву с Царьграда щит.

И прибью его к воротам
Достославного Кремля.
Кровью выстрадан и потом
Третий Рим — моя земля.

* * *

Ю. К.

— Вот этот стих и Пушкин мог заметить!..
Большой Поэт поставил мне на вид.
Поэт с поэтом, Господи, мой Свете,
От имени поэта говорит.

Ни графоманы и ни толстосумы
Не попадут на сей духовный пир.
Хорошие поэты, словно гунны,
Когда-нибудь вновь завоюют мир!

ПОЛИКАРПЫЧУ

«Он во сне перешёл свой предел»

Ю. Кузнецов

Вот и ты перешёл свой предел,
В сонном царстве душа полыхала.
В это верить никто не хотел,
Что тебя, Поликарпыч, не стало.

Ни в стране, ни на этой тропе...
Потому что глагольные скрепы
Будут долго греметь о тебе
Даже тем, кто и немые, и слепы.

Не запомню ухмылки врагов,
Не замечу их жалкую радость.
Потому что Держава стихов
Не простит им и малую малость.

Поликарпыч, ты там не один,
Передреев, Рубцов и иные,
Однокашники русских равнин,
Словно раны в груди ножевые.

Ты теперь в небесах высоко...
Гнобят Русь, но она не распалась!
Только знай, что и нам нелегко,
Мало русских поэтов осталось.

* * *

Юрию Кузнецову

«Иди и слушай тишину!» —
Ты мне сказал и, я уехал.
В полузабытую страну,
В страну из серебра и смеха.

Там ветер прячется в трубе,
А солнце прячется в лукошке.
Там мама с папой обо мне
Живые думают немножко.

К душе землицы, накреньсь,
Готовый с целым миром к бою —
Паду, как смерд, как русский князь,
Прикрою Родину собою.

Хотя б на миг её тепло
Усталое ошпарит сердце
И выбьет слово из него,
Как свет из-под закрытой дверцы.

Тогда услышу тишину,
Увижу ангелов колонну..
И все ж мелодию одну,
Что детский слух ловил — не вспомню.

* * *

Пять часов утра. Темно.
Взгляд в окно летит, как в пропасть.
Месяц, как в ведёрке дно,
Дно серебряное то есть.

В глубине печи огонь
Память детства навевает.
Мама тёплая ладонь
Мир начальный обрамляет.

Где живут, как брат с сестрой,
В том саду Адам и Ева.
И забрызганы росой,
А не кровью корни древа.

И невидимый Господь
Души хлипкие спасает.
Но уже вонзившись в плоть,
Злость, как головёшка, шаает.

Но от солнышка светло
Вспыхнет ручка над строкою,
Как над речкою весло,
Встанет пахарь над сохою.

* * *

Носились чайки над лицом
И что-то женское кричали,
На берегу земной печали
Я был наедине с Творцом.

Я видел: Он сиял, как свет,
На гребне моря поднимаясь,
И я за ним летел вослед,
Колючей тверди не касаясь.

Пусть говорят, что это бред,
Что человек слабей букашки,
Но я то видел Божий след,
Как кровь на собственной рубашке.

БЕРЁЗЫ

Покрылись золотом берёзы
Сусальным с божьего плаща.
И не страшны зимы угрозы,
Всё стерпит русская душа.

Всё выдюжит простое сердце,
Имперский крах, царёву ложь.
Обрезанного единоверца,
Вселенским возгласом: — Ну что ж...

Пусть вместо птиц орёл двуглавый
Летит неведомо куда.
Идут слова казацкой лавой,
Безумцы, я вас ждал всегда!

Хоть на развалинах Союза,
Хоть на развалинах души
Очнись в гробу хрустальном, муза,
И очини карандаши!

АВГУСТ

Весна прошла. Минуло лето?
Нет, ещё август на дворе.
И изумрудная планета
Шумит, как брага в бунтаре.

Нам горевать с тобою рано.
Ещё не вырублен наш сад.
Пегас мой не порвал аркана
И служит мне, как Росинант.

Как при царе мы безземельны,
Хоть нет тех мельниц ветряных...
Живём буржуям параллельно,
Как люди русские в пивных.

Как принято — живём, не тужим
Полвека на Святой Руси.
Садясь с молитвою за ужин.
Скворчат в сметане караси.

В буфете есть коньяк и водка
Для женщин — лёгкое вино.
Есть в сундуке косоворотка —
Не одевал её давно...

Как на полотнах Васнецова
В окне — родимая земля.
А за дверьми шинель отцова
Словно кольчуга тяжела.

ИВАН ВАНЬКОВ

Без сожаленья или укоризны,
Но взятый в плен энергией строки,
Иван Ваньков читал мои стихи,
Во глубине и на краю Отчизны.

Шёл вечер в сельской школе номер пять.
Российская словесность голосила...
Иван Ваньков сам пожелал читать,
Как если бы желала вся Россия.

В телятниках отцы скребли навоз,
А матери в хлеву коров доили.
Спал у сельпо алкаш, пропив свой мозг,
Наш, а не подданный Ботсваны или Чили.

Нет в сельских сумках сборников моих,
На полках нет и в животах комодов.
Из уст в уста сюда добрался стих,
Не помешала русская погода!

Ни черных копьеносцев, ни убийц,
Что в императорских послов стреляли...
А море деревенских, юных лиц,
Я слушал их — они меня позвали.

Я слушал их, как слушают леса,
Смотрел на них, как на поля пшеницы.
Есть, есть ещё в России голоса,
Не оскудел родник живой водицы.

* * *

Солнце мчится навстречу составу,
Разрезают лучи облака.
И шинкуют забвенью и славу..
Между ними простёрлась река.

Ни моста у реки, ни понтона,
Ни объезда, ни брода кругом.
Ни плота, ни баржи, ни затона
С пароходом...

Пустыня наш дом.
Поезд в волнах с шипеньем исчезнет.
Ну а солнце над ним пролетит.
Даже гребень волны не заденет,
Но в реке отраженье сгорит.

ШКОЛЬНОЕ ФОТО

На школьном фото, на крыльце тесовом
Спрессовано десятка три судеб.
В сапожках из кирзы, в мундире новом
Я впереди, как на подносе хлеб.

Тогда любой денёк был ярче вспышки,
Которой нас фотограф ослепил.
И сопоставить смотровую вышку
С Олимпом не хватало детских сил.

Иначе б знали: кто в бою погибнет,
Кто, как Чапай, до нас не доплывёт,
А кто при жизни, словно лист, поникнет
И в никуда однажды забредёт...

Я вырву белый клочок из бороды,
Как омертвелый куст на склонах дальних,
Я до сих пор на фото впереди,
Всё тот же школьник слов первоначальных.

СОВЕТСКОЕ КИНО

Смотрел с утра советское кино,
Уже не помню имена артистов...
А взял вдруг и расплакался (смешно)
Над судьбами чумазных трактористов.

Они, как дети, чистые внутри,
Такими быть их научил Спаситель,
Когда ходил по небу златогрив,
Швыряя свет в советскую обитель.

Душе подай целительный настрой,
И я смотрел без тени превосходства,
Что со страной стало и со мной,
И тихо плакал, чувствуя сиротство.

Я не скажу, что повлиял запой —
Не пью, беру уроки атлетизма.
Я плакал над разрушенной страной,
Упавшей в пропасть с пика Коммунизма!

Я взрослым стал, а взрослым тяжелей
Всё начинать с нуля и не разбиться.
Легко взлетать лишь детям с букварей...
Смотрите, как мы жили — пригодится!

* * *

Конь-Пегас, явись передо мной,
Унеси в родительское царство,
Где на холм взбегает зверобой,
Лучшее сердечное лекарство.

Где прогретый воздух травяной
Овевает огненные мысли,
Где гордятся жители страной.
И умы, и души не прокисли.

А в моей крови гудит простор,
Плещут океаны мировые,
И Пегас летит во весь опор,
И столбы сшибает верстовые.

СЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В тиши лесных библиотек
Разгадывал я тайну жизни,
Десятилетний человек
Во глубине родной Отчизны.

Здесь, у начала всех начал,
Где хмурился пейзаж неброский,
Меня любовью насыщал
И Радонежский, и Саровский.

Как в Слове помыслы чисты,
Как аккуратно пыль сдуваешь...
Шуршат страницы, как листы в раю...
Вот-вот про всё узнаешь.

* * *

Случайной думой озарённый,
Погас осенний небосвод,
И белолобый дух с высот
Пробил сосновые короны.

Заговорил огонь в печи,
Перевернулся лист бумажный,
И русский вздох многоэтажный
Растаял в пламени свечи.

Ушло в чернильницу перо,
Как в толщу вод морских — торпеда,
И всё случайное смело
Потоком неземного света.

ВИНА

Сколько быть без вины виноватым?
Отыщу за сараем лопату,
Закопаю вину глубоко...
— Повинись! — мне кричат фарисеи,
Вторят им всех времён лицедеи...
Закопал, но не стало легко.
— Откажись от великой идеи,
Отрекись от великой Расеи... —
Этот гомон зашёл далеко.
Лучше быть виноватым,
Но честным. Взял лопату,
А место известно. Откопал...
А там нет ничего.

НЕБЕСНАЯ РОССИЯ

Так, значит, есть Небесная Россия,
На холмах облачный алмазный вертоград,
И нету тьмы — лишь голоса родные
Словно лучи пронизывают сад.

А мне и любо: Пушкин и царевны,
А мне и славно, кто ж не будет рад,
Что нет лунов — итоги их плачевны,
За пазухой у Бога нет наград.

И нет блудниц, тем паче — власть имущих,
Нет распрей, грабежей и воровства,
Роскошные реликтовые кущи
Оберегают русские слова.

Порой душа пугается напрасно,
Переступить бессмертия порог,
Того не зная — умирать не страшно,
Коль Господу угоден русский слог!

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Ночь Вифлеемскими плодами
Осыпала холодный брег.
Держу перо тремя перстами,
Словно молитву человек.

Звездой Рождественская ёлка
Благословляет русский снег.
К иголке тянется иголлка,
И к человеку человек.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Убогий и скорбный на вид
Без пышных одежд и злачёных.
Не будет царём, как Давид,
Плодить фарисеев учёных.

Он всходит на гору Фавор,
И трое восходят по следу.
Их облак объял, как шатёр,
И радость пронзила планету.

Дела Твои, Боже, чудны!
Из облака вышел Светилом!
Как можно достичь белизны,
Не прибегая к белилам?

Лицо превращается в Свет.
Преображенье Господне.
Его среди нас уже нет.
Среди нас Христа нет сегодня.

Отныне Он в наших сердцах.
Что верят Христу безгранично.
И Слово цветёт на устах,
И мир украшает привычно.

Господь нам родней, чем родной!
Пусть наши враги измельчатся.
И люди от славы земной
Отныне к небесной стремятся.

* * *

Поднебесная русская ширь,
Где былём поросла, где травой,
Как над речкою скорбный пустырь,
Где стоит обелиск со звездою.

Сколько крови глотала земля,
Сколько вражьих костей измолола,
Что полнеба закроет зола,
Поднимаясь, как птица с подзола.

Баба в руки лицом упадёт,
Словно выпь на болотах завоюет,
Жалость женщине русской идёт,
Слёз её даже ливень не смоем.

Потому, что в медвежьих углах,
На языческих Камских просторах
Отражаются души в глазах,
Как в стволах после выстрела порох.

СТРАННИК

Твой посох, как лоза уходит в землю,
К нему приткнула молния ладонь.
И голос твой мерцал орлу и зверю,
Как пастуху, продрогшему — огонь.

Под ребрами, как в клетке спят глаголы.
Пока не разбудил небесный гром.
Не стаи войн, не стадные монголы,
Не Родина, дремавшая в другом.

Русь не Египет и, не Палестина.
Не равная дорога к алтарю!
Пасётся вдоль её дорог скотина,
Как где-нибудь в эдеме и в раю...

Узрят и эти очи Ум Господень,
Плывущий в небе, как алмазный струг.
И не вчера, не завтра, не сегодня,
А в тот момент, когда закончишь Круг.

Тень по траве холма слезой сочится,
Как Млечный Путь по светопаду звёзд.
И посох-молния в ладони серебрится,
Покрытый инеем забвенья — в полный рост.

* * *

Мир не узнал Того,
Кто был распят...
Хоть рук своих не обагрил Пилат,
Но уксусом Христу обжег уста.

Мир в Иисусе не узнал Христа!
Один, как перст,
Водвинут в Мир Отцом.
Один, как перст, с простым земным лицом.
Не узнанный толпой среди толпы.
Царя не узнают его рабы.

Взошёл на Гору,
Превращаясь в свет,
В лучах Отца, свой растворяя след,
Притягивая души, как магнит...
Мир проглядел ...
Почто сейчас скорбит?

ЮНЫЕ ВАТАГИ

О, эти юные ватаги,
Без вымысла и без идей,
Всегда перерастали в драки,
Что предыдущих чумовей.

Солдатская свистела пряжка,
Пращёй зажатая в руке...
Бить по лицу конечно тяжко,
Но бьёшь с другими наравне.

В таком естественном отборе
Налились силой кулаки.
Как волнорезы в синем море,
Как в чёрных тучах ястребки.

Конечно, стадные законы
Учёному мужу претят,
И проповедники с амвона
Такие драки запретят...

Тогда, как вырастить героя
С бесстрашным телом и душой.
Чтоб мог он амбразуру боя
И адский дзот закрыть собой?

Оставим юношам их споры.
Пусть мелькают кулаки,
Как волнорезы в бурном море,
Как в русской печке чугунки.

* * *

Отцовскую шляпу надену,
И шляпа сидит по уму.
На русскую выйду арену:
— Как шляпа подходит ему!

Подходят Байкал мне и Кама,
И профиль скалистый в Крыму,
Шаляпинская фонограмма.
Я тоже так рявкнуть могу!

По мне сталинградские степи
С расплавленной вражьей броней.
По мне пролетарские цепи
И те, кто был скован со мной.

И меркнет буржуйское семя,
Когда я в кабак захожу.
По мне это подлое время.
И тяга страны к мятежу.

Стихии железной глаголы
Стопой обопрутся на ять!
Беднейшие братья — монголы —
Нас скальпы научат снимать.

Напомнят, как делают чаши
Из срубленных вражьих голов.
На свете нет Родины краше!
И этих доходчивых слов!

* * *

Швыряет осень золото в лицо.
Лениво закрываемся руками.
Ах, как поёт отцовское крыльцо,
Когда из дома выбегаем к Каме!

На огороде нет уже ботвы.
Купчихой подбоченилась капуста.
Норд-ост по-русски нам: «Иду на Вы!»
Какой нахал? Чтоб ему было пусто!

На берегу разложим костерок,
Чтобы согреть озябшую природу..
У лета на земле окончен срок.
Сентябрь с собаками выходит на охоту.

ИГРА В ЖМУРКИ

Повязка чёрная для глаз,
Как смерть,
На миг разводит нас,
Когда тебе глаза завяжут.
Ты — мельница.
Я — Дон Кихот.
Цепляют пальцы небосвод,
Срывают облачную пряжу.

Один, как перст,
В крошечной тьме,
И мне уже не по себе,
Как жить теперь
С такою ношей.
Повязку с глаз живых сорву.
О, как я белый свет люблю,
Дыша, как загнанная лошадь...

ПАМЯТИ ГУМИЛЁВА

С Олимпа таякнул пулемёт,
Свинцовый разлетелся улей.
В России двадцать первый год
Проткнут штыком, прострелян пулей.

И твой изысканный жираф,
И верный копыеносец тоже,
Всплакнут из африканских трав
Росой в твоё лицо простое...

Вот раны от сапог солдат.
Что они сделали с тобою?
Их внуки на тебя глядят,
Как дети, с тайною любовью.

И в белом венчике из роз,
Как написал соперник светлый,
Тебя поцеловал Христос
Безжизненно и незаметно.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Земель этих горестный житель,
В объятия ночи и дня.
— Неси меня, Ангел-Хранитель,
Неси меня из огня!

Минуя житейские бури
И мнимого рая сады,
Туда, где в небесной лазури,
Качаются Божьи следы.

Где в Крестное Знамя закован,
Распятый лучами креста.
Ты верой отцов очарован,
Не видишь, но слышишь Христа.

ВЕРА

Я был в деревне летом пастухом,
Ременный кнут стрелял, как парабеллум,
Козлёнок прыгал вслед за мотыльком,
Луг, наполняя бляеньем и белым

Горячим пухом... Снег и монастырь.
И козий сыр, из погреба настойка...
Овчинами завешана Сибирь,
В овчине тонет голосок ребёнка.

Но помнит мир, как много лет назад,
Толпились пастухи перед пещерой.
Звезда сияла и младенца взгляд
Жизнь наполнял Надеждою и Верой.

ЦАРСКИЕ ВРАТА

От Царских Врат по праву руку
Святая Троица парит
И всю твою печаль и муку
В небесный замыкает скит.

И облака девятым валом
В Господних плещутся глазах,
И ты, невидимый, как атом,
И ты сквозишь в Его глазах...

ТРОИЦА

Душе светло и незлобиво.
Упала от деревьев тень,
Во всей красе, неторопливо
Встаёт из-за причала день.

Сегодня Троица.
Я свечку Затеплю пред Твоим Лицом,
Дух переброшен через речку,
Как радуга, Твоим Отцом.

И те, кто умер, те, кто вживе,
Той радугой озарены,
Не важно, при каком режиме
Иль новых бедствиях страны.

Даль прояснилась, волны стихли,
Небесный шорох ловит слух...
То гомон райский или стих ли,
Или Господня сердца стук?

ФОТОГРАФИЯ

Лесной посёлок. В окнах Кама.
И у завалинки втроём:
Отец с сестрёнкой, рядом мама,
А я сбежал за окоём.

Вернуться в круг былой стараюсь,
Скользя по жизненному льду..
И всё же, сколько не пытаюсь,
В тот объектив не попаду.

* * *

Берёзки — сверстницы седы,
Полсотни раз сменились льды.
Вновь облака плывут по Каме.
Никто беды не ожидал,
Вдруг голос матери пропал,
И вот... Совсем не стало мамы.

Душа без звука умерла,
Открытка адрес мой нашла:
— Сынок, дождись, я скоро буду!
— Где будешь, матушка моя?
И как о том узнаю я,
И как, узнав, не позабуду...

Под сенью русского креста
Навеки скованы уста,
Ты не прочтёшь моё посланье,
Я не услышу голос твой,
Ушла ты в землю молодой,
Оставив небесам рыдания.

ШАГИ

Когда впервые
Я шагнул в простор,
Качнулся под ногами прочный луг.
Мой первый шаг
Опоры не нашёл —
Мне не хватало материнских рук.

Потом, судьбой
Сбиваемый не раз,
Шёл не туда, куда хотел идти.
Вам было легче в выборе
Пути —
Мне не хватало материнских глаз.

Ни на кого обиды не держу,
Спасает от обид
Родимый кров.
Спеть захочу,
Но песни не сложу —
Мне не хватает материнских слов.

В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

В родительском доме
Не жить мне и дня,
В родительском доме —
Чужая родня,
Чужие портреты
Висят на стене,
Чужие заветы
Бормочут во сне.
Чужие с чужими
Твердят о чужом,
И страшно мне с ними
Быть в доме своём.

В СТЁГАНОМ ВАТНИКЕ

На родине в стёганом ватнике
И кирзовых сапогах.
А мышц на мне, как на ратнике,
А в руках альманах.

Читаю поэтов отчизны,
Как ветер страницы треплю.
Такие минуты для жизни
Я словно патроны храню.

Сижу над рекой да кумекаю,
Но ты не узнаешь о чём?
Я, может, беседовал с Грекою,
И выпил с Варягом молчком.

Когда б ты сюда прилетела,
То вряд ли узнала меня.
Где Родина песни мне пела,
Лепила костры из огня.

Но думаю всё же, узнала,
По голосу и по глазам,
По шуму с речного вокзала.
По жарким, голодным губам.

МОРОЗЫ

Грядут крещенские морозы
В леса, загнав свои полки.
Меняет время скучной прозы
Народ на лыжи и коньки.

Пусть из карманов безделушки
Со стуком падают на лёд.
В подъездах, спрятавшись, девчушки
Для поцелуев красят рот.

Того, кто пьян или с похмелья,
Не держит мать-сыра земля,
Тому и самовар с вареньем,
И сено в санки, и коня!

Блестит наборная уздечка,
Звонят под небом бубенцы,
Насытив русское сердечко
Девичьим смехом до весны.

ВЕЧЕР

Есть что-то в вечере паучье.
Как в школьной кляксе и дожде.
Навстречу брёвна, щепки, сучья
Качаясь плыли по воде.

Я захватил высокий берег,
Разжёл на берегу костёр.
Ты в городском гуляла сквере,
А я наматывал простор!

Даль к жарким углям припадала,
То с искрами взмывала вверх...
Смотрел на небо человек —
Над ним Вселенная сгорала.

* * *

Ты Урал не в славе — в сраме,
Между небом и землёй,
Здесь царевен сапогами
Пролетарский бил конвой.

Где Свердловск и Алапаевск,
Да и Пермь — по грудь в крови...
Не стенай и не каюсь
Жили выродки твои.

Бледные синеют лица,
Жутко кожанки скрипят,
Хочешь богу поклониться —
Да чекисты не велят.

Господи! Твой бич разящий
Не коснулся их голов,
Образ твой животворящий
Не испепелил рабов...

За убийцею убийца
В церкви бродят меж свечей,
И до гроба мне молится
За уральских палачей.

ДЕРЕВЯННЫЕ БОГИ

Из часовен угорских и храмов
Их согнали в прикамский музей.
Хорошо, что здесь нет пилорамы!
Равносильной глаголу «убей!»

И музейщики думать не стали —
Посадили богов на чердак.
Деревянные нервы из стали
У распятых богов на крестах.

Зазвенели малиновым звоном.
Загудели фабричной трубой.
Улетели малявы по зонам
От того, кто распят был с Тобой!

Возмущались серьёзные зеки,
Багровели наколки-кресты...
— Что на воле творят человеки?
Только дети пред Богом чисты.

Стерпит всё деревянное братство
Над страной, вздымая персты.
Хоть над ними всё также глумятся,
Как над Тем, Кто глядит с высоты.

* * *

Стоит церквушка на угоре
Вокруг древесные кресты.
Сегодня Дух Святой в дозоре,
На купол смотрит с высоты.

Там сфокусирован небесный
Переходящий в слово свет.
С похмелья и душой кромешной,
У входа молится поэт.

Опять он портит всем погоду,
Не входит в Божий храм, чужак.
Он хочет подпевать народу,
Да не научится никак.

БЕЛОГОРЬЕ

Нужно встать и уйти в монастырь,
Если примет отец Варлаам...
С Белогорья державная ширь
Океаном подступит к глазам.

Закачается палубный лес,
Бес, как в омут, в дупло сиганёт,
На груди моей матушки крест
Наважденья туман разомкнёт.

И увидишь дорогу в цветах,
Что лежит между вздыбленных туч,
Всё, что грезилось в детских мечтах,
Озарил, пробегающий луч.

ДЕКАБРЬ

К русскому серебру
Утром дверь отопру,
Подступают к гортани морозы.
— Хорошо, — говорю, —
Удались, — декабрю.
Девы русские и берёзы.
Много мест на земле:
И в Твери, и в Орле,
Где снега бесконечно любимы,
Но лишь здесь в декабре
На отцовском дворе
Так чисты они,
Так родимы...

* * *

В неотвратимый день приходит осень,
Сдувая птиц божественным огнём,
Пока мы говорим о том, о сём...
Октябрь сугробы из-за гор приносит.

Дыханье, вырываясь изо рта,
Воздушным шаром взлетает к Богу.
Он лаконичен и подобен слогу,
Ему в Эдем откроет Пётр врата.

А в словаре есть слово «красота»,
Вместившее и жизнь, и мирозданье,
Я слышу у плеча твоё рыданье
И шорох тополиного листа...

Закоченели руки от костра
И от печали русского простора...
Любимая! Мы встретимся не скоро
В стране, где нет начала и конца.

ЧЕРЁМУХА

Налью черёмуху в ведро,
Белокипенную, хмельную.
Пусть пьёт француз своё «Бордо»,
А мне подай её, родную,

Мне надоело столько ждать!
По воробьям стрелять из пушки.
Слова в стаканы разливать...
Ты видишь? Россыпи веснушек

Уже кружатся над землёй
И стыдно говорить, нехстати...
Озоновый латает слой
Всевышний крестиком-распятьем.

* * *

Не печаль, не тоска, —
Тёплый ветер равнины,
Прошумит от виска
До небесной Пустыни.

Там ведь тоже сады.
На заре у криницы
Там мне встретишься ты,
Где не пуганы птицы.

Да не село ещё Солнце,
Куполом брезжит.
Тот, Кто знает про всё,
На земле нас задержит.

Встав на горний карниз,
Поступая, как надо,
Бросит яблоко вниз
Из Господнего сада.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Церковь Божия над Нерлью
Обелит слова мои,
Бог взглянул на эту землю
И заплакал от любви.

Но бывало и другое:
Шёл внизу кровавый бой —
Отводил Он взор от боя,
Забывал о нас с тобой.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Вижу облик твой желанный,
Розы райские в саду,
От шипов набухли раны.
Баю-баюшки-баю...

Вышел месяц из тумана
Или я уже в раю?..
Слышу, напевает мама:
— Баю-баюшки-баю...

Раскачалась, словно зыбка,
Жизнь моя в родном краю...
Плачет золотая рыбка.
Баю-баюшки-баю...

* * *

Дочка дом нарисовала
В синих небесах.
Там собака из крахмала
Спит на воздушных.

В доме мы с женой и фото
Мамы на стене,
Жалится, как пчелы в сотах,
Солнышко в окне.

День и ночь роятся стогны
Около крыльца.
Вот Господь прошёл, на стеклах
Звёздная пыльца.

Точка, точка, две черточки,
Чёрный карандаш...
Это дочка, это дочка
Воскрешает нас!

ВО ПОЛЕ СРЕДИ ЦВЕТОВ

Во поле среди цветов,
На вершине мая,
Спряталась от взрослых слов,
С бабочкой играя.
Скачет,
Скачет по траве,
С бантиком кузнечик,
По лужайке,
По тропе,
Мимо рощ и речек.
Мимо склоки мировой,
Горя и печали,
Так захвачена игрой.
Днями и ночами
Набирают травы цвет,
Горлинка кружится,
Ты сама небесный свет,
Божьих глаз ресница.
То бежишь по облакам,
То летишь в тумане,
Корчишь рожицы богам,
Прижимаясь к маме.

* * *

Хозяин луга одуванчик,
Буран, нанизанный на пальчик,
Испачканный в белилах шмель.
Над муравьиными умами,
Как телебашня над домами,
Глядишь в невидимую цель.

Когда со стороны востока
Украсит жизнь Господне око,
Наташа выбежит на луг,
Былинку, словно луч, прикусит
И в окружении капустниц,
Как фея в окруженье слуг.

Приляжет и раскинет руки,
Замрут на паутине звуки,
Как ласточки на проводах,
И раскрывая парашюты,
Зависнут над землей минуты,
Теряясь в полевых цветах.

И уходить сейчас не страшно,
Пока дремотная Наташа
Пускает пузыри в зенит,
Пока не помнишь о разлуке,
Пока в лицо, глаза и руки
Пух одуванчиков летит.

* * *

Одна властительница — степь,
Ни кустика, ни человека,
Как будто Альфа и Омега
Вот здесь посажены на цепь.

Над степью пролетит орёл,
За горизонтом приземлится...
Какой же на Руси простор:
Всё пропадает — взгляд и птица.

* * *

Моросит. На сердце сыро.
Клапана шумят в груди.
Выйдешь в двери — там Россия,
В оба на неё гляди!

В клоунаде вражьих шмоток
Вдруг заметишь нашу рвань...
Через поле — самородок.
Через десять метров — пьянь.

Я на Родине в дозоре,
Службу срочную несу.
Утром провожаю зори,
Пью стаканами росу.

И берёзовые слёзы
Лью на плечи из ведра.
Плачьте девушки-берёзы,
Ваши слёзы — сон-трава.

Из эфирного тумана,
Русь, явись передо мной!
И любима, и желанна,
Потому, что Бог с тобой.

НА БЕРЕГУ

Волна на скалы налетала,
Лизала корни сосняка,
И ветром иглы в грудь вбивала
Под сердце, чтоб наверняка.

Минута, словно стайку рыбок,
Гнала секунды пред собой,
И человек был наг и зыбок,
И этот человек был мной.

ДВОЙНИК

Но между нами свет,
Но между нами тьма,
И дедовский завет,
И хлебная сума,
И камень гробовой,
И ветер полевой,
И зимняя гроза,
И девичья слеза.
Проснусь,
Как чуткий зверь, —
Ты замертво уснёшь.
Когда я выйду в дверь, —
Ты в эту дверь войдёшь.
Кого сражу в бою,
Того ты воскресишь,
Но песню запою —
Ты тут же замолчишь...

* * *

У лиственниц ржавеют иглы,
От нескончаемых дождей,
И солнце огненное в тигле
Подальше ставят от людей.

В ларёк стучится алкоголик,
Как чёрт в подземную дыру,
Запрыгнул воробей на столбик,
Нахохлился и ждёт пургу.

Она за пермскими горами
Полощет серый небосвод,
И вот он просветлел над нами
И превратился в кислород.

ПОРОХОВОЙ ЗАПАС

Комары гудят, как лодки,
Что бегут по-над водой,
Перемерли все погодки,
Что любили пить со мной.

Что любили пить и драться,
Речку выгибать веслом,
Самогоном наливать
И в обнимку спать с костром.

Вот такие ёлы-палы,
Были корешки у нас...
Но от сырости пропали,
Как пороховой запас.

У ЧАСОВНИ КСЕНИИ ПЕТЕРБУРЖСКОЙ

*В 1936 году рядом с часовней
были заживо закопаны священники...*

И я здесь был, за Ксению молился,
Возжёл свечу... И дух остановился.

Я вышел. В очи — красная заря,
Кладбищенская затряслась земля,

Российским простакам напоминая
Места, где пиновала волчья стая.

Где в яме без молитвы и креста
Толкли живых служителей Христа.

Святая Ксения, моя тропа убога,
Но встанет память Лазарем из гроба.

Ей тыща лет, она, как Русь, мудра,
Ей Пушкин диктовал со смертного одра...

Но служба кончилась, и певчие устали,
К огню свечи я прикоснусь перстами.

Ушло мгновенье — возвращать не надо,
Горит заря, как грозный отблеск ада...

* * *

Жизнь покачнулась на весах,
Но удержалась.
В небесах
И на земле вражда бушует,
И гаснут звёзды там и тут,
Дороги в «никуда» ведут,
И речка образ твой ворует...
Словно следы от стоп Христа,
На глади
Контуры лица
Вниз по течению мерцают.
Звезда, попавшая в глаза,
До смерти не прожгла тебя,
Лучи глагол твой залатают,
Он станет чистым, как роса,
Звенящ, как неба полоса.
К Отчизне простирая руки,
Услышишь звон колоколов.
Ужель и он устал от слов,
Тот,
Кто за Слово принял муки?
Сместилась линия весов,
Отпали стрелки от часов,
Секундная и часовая...
Одна минута до утра,
А дальше зеркала у рта
Вздохнёт,
Как бездна мировая.

СВЯТО-ВВЕДЕНСКИЙ ТОЛГСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Лежала Волга рыбой в стороне,
Рассвет, как сокол на неё спустился.
О, Присно Дева! Я в монастыре
Пред ликом золотым Твоим молился.

Какой я грешник? Знаю, знаю сам.
Мне дальше паперти не стоило соваться.
Но за спиною братья по стихам,
Которые и плачут, и постятся.

Монахини поют, как стайка птиц,
У каждой из певич по Божьей ноте.
Вдруг падаю, как перед плахой ниц,
Услышав глас: — Без Бога вы живёте!

Как воины стоят свеча к свече,
Их огненные шлемы полыхают.
И тени на церковном кирпиче
Коня Георгиева под уздцы хватают.

Не на меня занесено копье
Святое — на поверженного Гада.
Я русский, значит это всё моё
И монастырь, и каждый кедр из сада.

И звонница, и Волжские врата,
И сорок шесть монахов убиенных
Литовцами. Ять в книгах и Фита,
И даже галки на мирских антеннах.

Здесь исцелился Грозный Иоанн.
От язвы моровой спасались земли...
И я лечился от словесных ран.
За города молился и деревни.

О, Пресвятая, Отчину спаси
На тихой Пристани народного терпенья,
В чрево Христа вместившая,
Прости поэту очарованному пенье.

ЛУЧ

С Камы-матушки широкой.
С Камы-матушки глубокой.
Между лодок и плотов.
На колёсном пароходе
(Что-то динозавра вроде...),
Позабыв родимый кров,

Приплывём в Москву-столицу,
Поцелуем голубицу,
Что летает выше туч.
Над её семью холмами,
Над кремлёвскими орлами
Проноса Господний луч.

Этот луч насытит перья,
Как стрелу насытит зелье.
А стрела насытит цель.
Слово не острей кинжала!
Но из раны побежала
Кама в общую купель.

СЕЛЬСКИЙ ЗНОЙ

На даче установлен деревенский
Режим. А молоко даёт коза
С утра. Откуда стул здесь взялся венский,
Изящный, как жираф и стрекоза.

Собачью будку обживает Шарик.
Жара! И мухи, несмотря на шерсть
У Шарика сперва его обшарят,
И доедят, что он не смог доесть.

Играют дети в волейбол у речки,
Без рыб несут куканы рыбаки.
Цветёт вода в затоне... Запах гречки
Сегодня на обед взамен ухи.

Я в руки взял дневник воспоминаний
И венский стул, чтоб у окна присесть.
Я поменялся с временем местами,
Чтоб молодость спокойно перечесть...

Но, нет! Не стану будоражить память.
И прошлое мешать с июльским днём
Вон даже пёс и тот не хочет лаять,
И мы не станем мучить вас нытьём.

* * *

Я был один и ты одна,
Как муза и поэт.
Из солнечного полотна,
Был соткан твой ответ.

И поцелуи с алых губ
Я пил, как пьют коньяк.
Тот, кто не понял, очень туп,
А это страшный знак.

Твои безумные глаза
Топили свет небес.
Срезало солнце, как фреза,
Все головы окрест.

Я, как поэт, в тебя влюблён,
И, как поэт, любим.
Но это старый патефон
И белых яблонь дым.

Тебе меня не погубить.
Тебя — не превозмочь.
Дремучим сном остался быт,
И чистым утром ночь!

Бежит отравленная кровь
В долине наших встреч.
Всё глубже, глубже этот ров
И всё нежнее речь.

Когда-нибудь, в какой-то миг,
Не хватит наших рук,
Чтобы согреть ладошкой лик,
Услышать сердца стук.

Расширится глубокий ров,
Отбросит нас, опричь
Твоих я не расслышу слов,
Услышав Божий бич!

Я был один и ты одна,
Как муза и поэт.
Из солнечного полотна
Был соткан твой ответ.

ОСТРОГ

Предавший твой краткий восторг,
Забывший твой чистый рассказ...
Закуй меня в русский острог,
Подальше от девичьих глаз.

Я буду на плахе, как тать,
Лежать и на брёвна глядеть,
Я вспомню не друга, не мать,
А то, что к утру не успеть

Летящим по небу саням,
Идущим ноздрёю к ноздре,
Рыскающим голодным коням, —
То мысль моя мчится к тебе.

Взгляну на печальный закат,
Увижу прекрасный рассвет,
И карий сияющий взгляд...
О, я не забыл тебя, нет!

Страницу пургой замело,
А строки размыли ручьи,
Ты вспомнишь о прошлом легко
И выбросишь в море ключи.

Никто не откроет острог,
И в крепость мою не войдёт.
Как знамя сломается слог,
И древко кольчугу пробьёт.

* * *

Есть красота в обыденности лета.
Ты, разомлев от солнечного света,
Забывлась сном у моего ствола,
Летящего по небу, как стрела,
Седьмому небу, где Амур с Эротом
Сражаются за право быть пилотом.

Я в сны твои не влезу воровато,
Ни ради прелестей твоих, ни ради злата
Твоих волос распущенных, как сеть,
На певчих птиц, спешащих рядом сесть...
Иначе сновидения любя,
Я окажусь под боком у тебя!

Пока Эрот сражается с Амуром,
Даю отставку всем грядущим дурам
И умницам забитым... заодно!
А прошлое забыто мной давно.
К тому ж кончается коротенькое лето,
А вместе с ним терпение поэта.

МУЖИК

Скрипит разбитая телега,
Могуч возница и суров,
И от ночлега до ночлега
В пути обходится без слов.

То просвистит над ухом птица,
То басурманская стрела,
То просвещённая столица,
Избытком славы и ума.

Он знай себе, стегает лошадь,
Макушку пятернёй скребёт,
И милость у богов не просит,
Но и своё не отдаёт.

ЗАРЕЧЕНСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Хозяин коров и кругов на воде,
Барух Соловьёв не философ Спиноза,
Но мысли шлифует на куче навоза,
Ждёт дачников кукиш, сокрыв в бороде.

Заезжие люди, надеясь на блат,
Идут на поклон, как в туретчину греки,
Гремят поллитровки в руках, как орехи,
Торгует навозом коровий комбат.

Участок земли, огород или сад
Для жителей каменных джунглей полезны...
И дачник, чтоб жизнь не прошла бесполезно,
Органике аборигеновской рад.

Мелькают в горе черенки от лопат,
Навозом уже набивают карманы,
Коровы мычат, пьяно блеют бараны,
И шапка на Борьке торчит, как ухват.

Ты, Борька, поэту дороже наград,
В Кремле заседает земляк твой и тёзка.
Он дуб повалил, но не в этом загвоздка,
Он сад порубил — ты дерьма дал на сад.

Он к нам приезжал, но ему я не рад,
Тебя ж обниму, хоть ты пахнешь навозом.
Другой отдаёт предпочтение розам,
Мне ближе картошка, укроп и шпинат.

С горы прокопытил летучий отряд,
А ты, как дитя пышногрудой Отчизны,
Устав от торговли, вина и от жизни,
Укрылся в сошедший с небес вертоград.

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Затряслись и дворец, и избушка,
Небо стукнулось лбом о бугор,
То жена дурака в коробушке,
Переехала русский простор.

Ванька выследил деву-лягушку,
Взял и платье зелёное сжёг,
Просто так, на авось, как игрушку.
Вот какой выпал Ване денёк.

Вместе с платьем сгорела царица,
Погрузилась Россия во мрак.
Разгребает золу ежедневно,
Не поверивший в счастье дурак.

СТРЕКОЗА

Задевая за ресницы,
Пролетела стрекоза,
И не где-нибудь на Рице
В резиденции туза.

А в уральской деревушке,
На уральской той реке,
Там, где знают имя Пушкин,
Носят томик в рюкзаке.

Бок о бок живут с природой,
По боку им города,
В гуще русского народа
Вздрогнул... и открыл глаза.

Стрекоза в лугах пропала,
Солнышко в зенит вошло,
Хорошо на сердце стало,
Так, как не было ещё.

* * *

Не надеялись жить до весны
Дерева, потерявшие листья,
Но очнулись от птичьего свиста,
Стали русла речушкам тесны.

Голоса земляков на полях
Утихают над быстрой водою...
На пригорке обсохла земля
И покрылась молочной травой.

Значит, будем, любезные жить,
Клокоча, как пороги речные...
И цветы уже не различить —
Где на платье, а где полевые.

* * *

Ты помнишь, поле колосилось,
Дул в спину лёгкий ветерок,
И птица с криками носилась,
Как в строчку не попавший слог.

Река искала вдохновение,
Свистели вслед ей соловьи,
И месяц плыл, как ударенье,
Над тайной пристанью любви.

* * *

Отчего стало сыро и голо,
Ветер юности свищет с высот,
Но играет тех лет радиола,
И кого-то обратно зовёт.

Замелькали холмы и ухабы,
Чей-то взор пролетел над землёй,
Ах, наверное, сердцу пора бы
Позабыть этот край золотой.

Дух древесный лесного посёлка
Вышибает сухую слезу..
Словно Бог превратил тебя в волка —
Подступиться боишься к жилью.

* * *

Деревенька мерцает во мгле,
Россыпь звёзд и мазутные пятна...
Заблудившись на русской земле.
Тыщу раз возвращаюсь обратно.

Свет крестьянский тягучий, как мёд,
Заливает уставшие очи,
Бьётся грудью душа в небосвод,
Как сова до скончания ночи.

Пусть Россия почти умерла,
Но осталось на сердце смятенье,
В небе родины крик журавля
И родителей благословенье.

В чистой горнице ивовый мёд,
На полатах сушёные травы,
Нищий, спившийся, бедный народ
В блеске прошлой, божественной славы.

ХВАЛА ГРАНЁНОМУ СТАКАНУ

Тебе, гранёный, как алмаз,
Мои стихи и вдохновенье.
Похмелья гордое виденье —
Ты явишься ещё не раз.

Тебя порой держал герой
В руке могучей перед боем.
Поэт с курчавой головой
И тот, кто должен стать героем.

Бомжи и жители Кремля
Твоим канканам были рады,
На дне твоём пустом не зря,
Как якоря, гремят награды.

А если май и голоса,
А если девки и поляна...
То, знаешь, без тебя нельзя,
Нельзя, товарищ, без стакана.

А если ты попал на пир,
Ну не на пир, так, на пирушку.
Стакан твой бог и твой кумир,
Примерно, как поэту — Пушкин.

А если в чуждый дом пришёл,
В котором ты бывал не часто,
С размаха бьёшь стакан об пол,
И говоришь всем видом — баста!

А если это дом друзей,
То лучше в мире нет лекарства,
Полнее, друг, стакан налей,
За русское я выпью Царство!

Да за великие дела,
За славу мировой Державы.
И как сказал старик Державин:
— Французить нам престать пора,
Но Русь любить
И пить. Ура!

* * *

Гася огонь минувшей славы,
Я пью шампанское Державы...
Какой на этикетке год?
Ещё мы в славе и фаворе,
Ещё вожди не делят море,
Цветёт болгарский огород.

Подлодки бродят в океане,
Как дрожжи на печи у Вани.
Страшит врага новейший флот!
Ещё крестьянин торжествует,
Ещё Россия не ворует Европой занятых пустот.

Но это всё на дне бокала
Блеснёт, как лампа вполнакала,
Бокал о стенку... И каюк.
Душе и воину — боренье,
Всем матерям — моё смирение,
А птицам — север или юг.

ДОЖДЬ

Ветер срывается с горных высот
И, разогнавшись, у самой запруды
Гнёт к урожаю засушливый год
Так, что в земле откликаются руды.

Липнет размытый российский пейзаж
К стёклам, когда вы в полях на машине
Давите, как на гашетку, на газ...
Женщине — дом, а дорога — мужчине!

Драгой гребёт колесо колею,
Плещут у ног трёхминутные реки.
Что же так ангелы плачут в раю? —
Тонут в слезах на земле человеки.

Мышцы набухли от страшных затрат
Силы, отпущенной в светлом спортзале.
Эй, баргузин, сдай немного назад,
Люди и кони устали.

* * *

Сжимая в бубен полынью
Мороз иглой коснулся уха,
Попала в голову мою,
Как пуля ледяная муха.

Под стреху ветер залетел,
А хвост в моих руках остался...
Я никогда так не умел
В дом постучать и... не остаться.

Уже замёрзли жилы рек,
Пульс у ручья остановился.
И снег, как память прошлых лет
С небес за шиворот свалился.

РЕССОРЫ

У тебя желание из стали,
А глаза твои из мельхиора.
Мы с тобой влюбляться перестали,
Но кровать, как старая рессора.

День и ночь скрипит от нашей жизни.
Тряская в родной стране дорога...
А иначе б от тоски прокисли,
И наверно позабыли Бога.

Никого почти не уцелело,
Из друзей. Врагов не убывает.
Ах, какое загубили дело?
Коммунизма сердцу не хватает.

А тебе моей любви-заботы.
И приходов каждый день на ужин.
Ты ревнуешь? Плачешь? Что ты, что ты!
Разве я такой кому-то нужен?

Не стрелял я урок по темницам,
Демократов не душил на рее...
Не харкался в морду первым лицам,
Не ловил зубами пуль на Шпрее.

Потому и остаюсь с тобою,
Словно пух, сдувая бабьи ссоры.
Что ж такое сделать со страной,
Чтоб запели Божии рессоры?

ТАВРИДА

Машина просвистела сквозь страну,
Потом другую, ну а в третьей встала.
Где лукоморье радугу-дугу,
Словно хомут на шее моря сжала.

Как билась черноморская вода,
И в сивой пене сила иссякала.
Чтоб этот миг оставить навсегда,
К душе бумаги приложил я жало.

Графит прожёт, а вслед за ним глагол
Ударил... и остался отпечаток.
Я в море встал, как подъяремный вол,
И потащил его, от шторма шаток.

Дельфины ли, царевны водных сфер,
В моих кудрях как в куцах разыгрались.
Входили три страны в СССР,
Потом входить в СССР не... Сталин

Сказали, что виновен в этом был.
Недавно говорили же другое...
Я море на себе домой ташил,
Как при пожаре ташат дорогое.

ЛАНДЫШИ

Уже июнь, а ландыши в земле,
Ещё храблятся, набирая силы.
Пульсируют их тоненькие жилы...
А мы живём в добре или во зле.

Но аромат уже щекочет нос,
В глаза, как сор небесный, попадает.
И пред цветком стоит великоросс,
Пред маленьким и, как дитя, рыдает.

У МОРЯ

Не здесь ли кадила звезда Одиссея
В ладонях разлуки.
Где слёзы Сирен выжимал из очей я,
Как яд из гадюки.

На дне амазонки топили обновы,
Молву и наветы.
И выжгли глаза у Гомера глаголы,
Как сопла ракеты.

Здесь зной гуталином касается кожи.
Слюна высыхает.
Но здесь олимпийцами стать мы не сможем
Без отчего края.

Без рощ золотых и простуженных речек,
Мужицкого рая...
На севере диком грустит человечек,
Меня поджидая.

И все эти гарпии, фурии духа,
И арфы Эллады,
Замрут, как ладошкой, прибитая муха,
У русской ограды.

ПАРКОВЫЕ СТАТУИ

Ржа въелась в арматуру статуй
Шахтёров, девушек с веслом.
Волной времён размыло статус
Державы, отданной на слом.

Из гипса русские атлеты
Гоняют мяч и в горн трубят.
В их портупеях пистолеты
Врагам неведомым грозят.

Есть лётчики, и трактористы,
Спортсменов дружная семья,
И пионеры, и артисты,
Поэты — не слабей, чем я!

Скульптуру формирует вечность,
Она шипит в пустом зрачке,
Как скарабей, что в палец метясь,
Застыл на спусковом крючке.

В ТАМБУРЕ

Выходишь в тамбур покурить,
Глотая дым страны.
В окошке скачет волчья сыть
По серебру луны.

Смеётся девушка в углу,
Сдувая пух перин.
Она похожа на юлу,
Игрушку для мужчин.

А я один смотрю в окно,
Её смешком задет.
Вагон, словно в цепи звено,
Нас вытащит на свет.

А там, в шелках Святая Русь,
С ладошки кормит птиц.
Сорву стоп-кран и сам сорвусь
Как пух с твоих ресниц.

И стану в решете носить,
Промчавшиеся дни.
Скачи лошадка, волчья сыть,
В серебряные сны.

* * *

Мимо бати проезжаю,
Всё спокойно — тишь да гладь.
Время катится по маю,
То на холм, то с горки в падь.
Вертухай стоит на вышке,
Тень крадётся по стране.
Не читают дети книжки, —
Русский дух в карантине.

Помнишь из библиотеки,
Ты мне приносил стихи?...
Это было в прошлом веке.
Под ногой пружинят мхи.

Ах, как нынче покосился,
Небеса державший крест.
Ты зачем под ним укрылся,
От своих детей, отец?

ЗАВОДСКОЙ ПРУД

В ложбинах спят уральские заводы,
Как солнечные зайчики земли,
А на заре их тормозят народы
В окалине по горло и в пыли.

У всякого завода пруд с плотиной,
И молот, чтоб хоть плуг, хоть ствол ковать.
А девушки с рябиной и калиной,
По берегам пруда вольны гулять...

Не пруд, а океан — я был уверен,
Когда на спор его переплывал.
По грудь в воде стоял столовский мерин,
Пока я в бочку пруд переливал.

Хоть не одной русалки не попало
Тогда в казённый, кованный черпак.
Я слышал пенье, так мне показалось,
Почудилось, а значит, было так.

О чём была та песня вековая?
Не повторит ни зрячий, ни слепой...
Звенела там верёвка бельевая,
И кровь лилась из раны ножевой.

* * *

Стрела дождя прибила лист к земле,
Ему подняться не хватает силы,
Древесный уголь теплится в золе,
На лбу поэта набухают жилы.

Печально, друг, горит звезда в ночи,
Пронзая сумрак на краю Державы,
Где огонёк от спички иль свечи
Дороже вдохновения и славы.

Заварен чай, варенье на столе
Густое и тяжёлое, как осень,
А как ты жил — в добре или во зле,
Об этом на земле никто не спросит.

* * *

Всё дальше от тропы Господней
Лежит народная тропа...
О том ли, мой поэт, сегодня
Устало прозвенит строка?

Но слух имеющий — услышит,
А зрак имеющий — узрит,
Чей это пёс в лицо мне дышит,
И по хозяину скулит!

НАРОД

Подкошенный реформами
Под корень, как сосна,
Народ ложится вовремя,
Валяясь допоздна.

Покуда он валяется,
В стране идут дела:
Правительства сменяются,
Звонят колокола.

Тоску задавит скука,
Родную песню — крик,
Жужжит над ухом муха...
Но к ней мужик привык.

Знай, спит себе заезженный,
Ненадобный казне,
Беззубый, обезвреженный,
Не стойкий к новизне.

Родной до безобразия,
До клёкота в груди.
Эхма, Европа—Азия,
Смотри, не разбуди.

ВОЗРАСТ

Пора о возрасте подумать
Свою переиначить жизнь.
Сметёт небесная коммуна,
Гул самомнений и харизм.

Пускай подольше брызжут искры
В лицо из Божьего костра.
И псы не только ради миски
Толпятся около тебя.

Твоей крылатой Сивке-бурке
Чужой не нужен коногон...
Хоть трижды кардиохирурги
Коснулись сердца твоего.

А жизнь зовёт, летит, заводит,
Тебя толкает впопыхах.
И ты грохочешь, как заводы,
Живёшь и побеждаешь страх.

И мысли возраста моложе
Гудят под крыльями стиха.
А ты всё тот же, тот же, тот же,
И возраст ни при чём, пока.

В МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

Мы шли с отцом под небом сизым,
Мимо лесов и лагерей.
Отец мой не внимал капризам
Слезинки крохотной моей,

Что падала на лёд калёный,
На камский, на декабрьский лёд.
Он был словно пирог слоёный,
Пирог с торосами вразлёт.

Я снегом охлаждал ладони,
Когда их обжигал мороз.
Стволы, как белые бидоны
Звенели в рощице берёз.

На белом фоне — дни неярки,
Хотя и видно далеко...
Да нам бы с батей литр солярки,
Чтоб костерок разжечь легко.

Растворена вблизи дорога
Позёмкой бьющей поперёк.
Отец сказал: — Уже немного
Осталось. Потерпи, сынок!

В лесу трещали лесорубы.
Я был почти полуживой.
Но я терпел, сжимая зубы,
Рычал, как пес сторожевой.

Так шли мы к бабушке в деревню
По Каме мимо пристаней,
На спины шуки и таймену
Ступая обувью своей.

ОБЛАКА

И облака влезают в рамки
Когда садятся на холсты.
От водки и до валерьянки
Несут нас белые листы.

А не по морю-океану,
Несут по рекам Бытия.
Что шторм гранёному стакану!
Товарищи, скажу вам я.

Цветами радуги играет
Его стекла любая грань.
Поэт по облакам гуляет.
Его, попробуй, зааркань!

* * *

А на дворе апрель, а не февраль.
И скоро май, и ласточки к нам в сени...
А на моём столе раскрыт Есенин,
Он для поэтов Родины — букварь.

И я его люблю, как дети даль.
Другие имена — глаголы те же.
Я пью слова, как водку пьёт москаль,
С любовницей на крымском побережье.

Струна любви от ветра так звенит,
Что на морском песке дрожат русалки.
И первый лучик из небесной прялки,
Вслед за росой по жёлобу бежит.

СРЕДИННАЯ ОСЕНЬ

А дождь идёт, как Божье войско,
Свободно без дорог и троп.
В дождинках, словно в каплях воска
Обледенелый клён утоп.

Но ветви словно крылья машут.
Всё тяжелей и тяжелей...
Приподнимая землю нашу
И на земле родных людей.

А следом маленькие дети
Бегут с дождём в перегонки
Как звукопальцы на кларнете
Или из-под пера — стихи.

* * *

Облают тут же кабысдохи,
Сбиваясь с рыси на аллюр.
Пойми, не нас кусают блохи,
И сапогами бьют за кур.

Здесь наша молодость исчезла,
Вслед за ручьём сбежала тень.
Радикулит прострелит чресла,
Уснувших русских деревень.

Уже знакомых не осталось,
Среди живых и мёртвых душ.
Скрипит безрадостная старость,
Последний лопнул конский гуж.

На бок завалится лошадка
И ржаньем небеса пронзит.
А там не шатко и не валко,
Пегас с поэтом семенит.

* * *

Здравствуй, мама!
Здравствуй, папа!
Здравствуй, вся моя родня!
У судьбы стальная лапа
А дыханье, как у льва.

Я рукой от слёз закроюсь,
Куртку кожаную смяв.
Под тебя во всём подстроюсь,
Бескорыстный русский нрав.

Отыщу слова простые
В детской памяти своей.
Там слова такие жили:
«Небо», «поле», «речка», «ель».

Меж её корней тетрадку
Со стихами я зарыл.
Быть прозаиком — не сладко.
Быть поэтом — выше сил.

Так мне думалось в ту пору
Лет семи или восьми.
Потянулась мысль к народу,
Мысль своя, а не взаймы.

* * *

Ты зовёшь меня с собой,
Эхо пахнет летом.
Родниковой водой
Брызгаясь при этом.

Юная, как новый день,
Яркая, как лучик.
Тень наводишь на плетень
Без небесных тучек.

Платье лёгкое, как пух,
Тоньше паутинки.
Выбежишь зверьком на луг
Не примяв травинки.

Закипели кружева
Разметая ситцы.
Как шмели гудят слова
Вкруг цветка-девицы.

Озарил мои леса
Сплав любви и света
Словно детская мечта
Голову поэта.

ШЕСТНАДЦАТИЛЕТИЕ ДОЧКИ

Ломится путник с дороги
В сени ни свет, ни заря —
Это зима на пороге.
Первое декабря!

Слов-самородков намоют,
Доброго наговорят...
Я тебя знал другою
Столько же лет назад.

Шли по отцовской ладони
Розовые ступни.
Сам пеленал тебя, помню
Эти счастливые дни.

Как у твоей колыбели
С книжкой стихов засыпал.
Музы, как змеи шипели.
Я этих баб прогонял.

Годы, как будней генштабы
Вносят меж нами разлад...
Знаю, теперь эти бабы
Мне ничего не простят.

ПАРАД

Из дворца литераторов катит орава.
Полночь. Тут по камням вдруг металл загремит.
Это наши войска за часы до парада,
Репетируют строй и геройский свой вид.

Это наши торчат, словно гвозди по шляпку
В шлемофонах московских, в уральской броне.
Мы хмельные глаголы хватаем в охапку
И бежим за колонной к кремлёвской стене.

В день парада туда никого не подпустят,
Где партийные бонзы советской страны.
И пока нас менты в рог бараний не скрутят
Мы досмотрим, досмотрим мальчишечьи сны.

Пусть гремят по столице имперские траки,
И ракеты в сиянии лунном сквозят.
Пусть пугают раскормленных натовцев танки.
Марш вперёд! Марш вперёд. И ни шагу назад.

ПЕРЕДЫШКА

Сбегу в гостиничный приют
В каком-нибудь глухом районе,
Где «гор.» и «хол.» не подают,
Нет проституток в телефоне.

Но в небе — птичьи голоса,
А в окнах — хрипы патефона.
И не противится душа
В сердечное вернуться лоно.

Люблю за стареньким столом
Сидеть с классической книгой.
Глотать взахлёб за томом том,
Прихлебывая чай с черникой.

Сползут с измученной души
Объятья городской трясины.
Пиши, ломай карандаши,
Тревожь сердечные глубины!

РЕШЁТКА

Я сижу за решёткой стальной,
В Коктебеле иначе нельзя,
Если первый этаж и он твой,
Вмиг залезут — закрой лишь глаза.

Друг приходит и корм подаёт,
Кормом может быть просто хамса,
Волен друг — на втором он живёт,
И обитель его высоко.

Редко в море нырну с бугорка,
Чаще книгу читаю да пью,
И к стакану привыкла рука,
Словно к вражьему горлу в бою.

Можно водкою горе залить
И армянским заесть шашлыком.
Только как Коктебель позабыть
И стальную решетку с окном.

* * *

В. Бондаренко

Мы пили в Коктебеле и Москве
С тобой за Одиночество Отчизны.
Пусть наши девы корчатся в тоске,
Пока мы говорим с тобой о жизни.

Пусть кровь раба из росса выйдет вон!
Из тигля Русской Славы — испарится...
Пушай колеблют олимпийский трон
Восторженные молодые лица.

Пусть разгорятся угольки в золе
От речи разрывающей пространство.
Затем, чтобы оставить на Земле
В границах Русь и в берегах Славянство!

НА ЗАИМКЕ

Завари, дочурка, чая,
Тот зелёный, листовой,
Что привёз я из Китая,
Чтоб чаи гонять с тобой.

В чашке русского фарфора,
С позолоченной каймой,
Кипяток не стынет скоро...
Лес зелёный и густой

За окном встаёт, как дымка,
Корни роются в земле,
Но протоплена заимка,
Пьём зелёный чай в тепле.

В небе месяцу не спится.
За столом отец и дочь.
На плите кипит водица,
Прогоняя в поле ночь.

Строчка до начала света
Просвистит в моих глазах...
Чай допит, а песня спета
С чайной розой на устах.

НЕБО, ЛЕС, РЕКА

Жёлто-зелёное с красным,
Синее на голубом.
Хотел написать о прекрасном.
Да что же я знаю о нём?

Это писать, как о Боге,
О Сыне и Духе Святом.
Реки, леса и дороги,
Хладный овраг с родником.

Льётся по горлу водица,
Воздух стрижёт стрекоза.
Какие прекрасные лица,
Бьют, отражаясь, в глаза.

ЛУКОВАЯ ГРЯДКА

Накинув в сених плащ-палатку,
Засунув ноги в сапоги,
Иду на луковую грядку,
Брать с грядки луковой долги.

В окне любимая маячит,
Глазунью жарит на огне,
Потомки всё переиначат
Про нас в цветущем новом дне.

Веду здоровый образ жизни,
С утра уже три дня не пью,
С высокой думой об Отчизне,
Я перья луковые рву.

* * *

В пустом лесу трезвонят коростели,
Медведь берлогу ищет потеплей.
Лосиный след, как дырочки свирели,
На узенькой тропинке между пней.

Душа полна восторга и любви,
А сердце одинокое — печали.
Не пойте длинных песен, журавли,
И не звените райскими ключами.

На дно берлоги падает медведь,
Как в омут со скалы замшелой камень.
Листва темнеет, как от солнца медь,
И гаснет по лесам и рощам пламень.

* * *

Первый на погосте снег
Серебрит виски азотом
Душ, пропавших в прошлый век,
Словно в рамочку для фото.

Вдруг застынет человек,
Но опять сорвётся с места...
Вот вдова, а вот невеста,
Между ними целый век.

Мох глубокий — даже сук
Хрустнуть под ногой не может.
Только смерти сходит с рук —
Взрыв звезды и гибель розы.

БАБУШКА АНЮТА

В невесёлую минуту
Вспомнил бабушку Анюту.
К ней от мачехи сбегал
Кости греть на русской печке,
Искупавшись в зимней речке,
Как французский генерал.

Ночь, в ночи две сигаретки,
Две блестящие монетки,
Два зелёных уголька...
Сердце выпало из глотки,
Тут заметил выше тропки
Три стеклянных огонька.

Да, тогда водились волки
В хвойно-каменной сторонке,
Помнишь, Батюшка Урал?
Взвоят — стынет кровь по жилам,
Если был бы я служивым,
Я б с собой мортиру брал.

Отодвинув прочь заслонку,
За родимую сторонку,
Погружала в печь ухват
Бабушка в крестьянском платье,
Плыл обратно на ухвате
Чугунок, одетый в пар.

Хоть крупинка за крупинкой
В супе бегала с дубинкой,
Ешь от пуза, как мужик...
Алюминиевая ложка
Над столом висит, как брошка,
Отражая этот миг.

На сундук швырнув рогожку,
Скинув с зябких плеч одёжку,
Забираюсь под тулуп.
В сне глубоком вижу царство,
Где нет злобы и коварства.
Где друг дружке каждый люб.

Где по небу ходят кони,
Нет волков и нет погони.
А в светёлке дева-мать
Шепчет листопада тише:
— Подойди, сынок, поближе,
Лобик твой поцеловать...

Тут я, дурачок, проснулся,
Или луч ресниц коснулся,
А по ним слеза бежит.
Жизнь моя стоит в тумане,
Как похлёбка бабы Ани.
Нужно как-то дальше жить.

* * *

Старый мост унёс поток,
Был апрель тот многоводным.
Опершись на батожок
Думаю: — А как сегодня

Перейду на берег тот? —
Ни моста и ни баркаса...
Не окончен мой поход,
Там дорога — тоже наша!

* * *

*«И за то, что нас Родина выгнала
Мы по свету её разнесли...»
Из поэзии эмигрантов*

Обронил перевозчик весло,
Спит Отечество после загула.
Догорают цифирь и число,
И славянская тлеет культура.

Я не знаю кому «повезло»? —
Вашим бедам иль нашим потерям.
У России подбрюшьё свело.
Малороссы сбежали к соседям.

Наша Родина помнит о вас.
Возвратились Ильин и Деникин.
Русский Мир, как Христа. напоказ,
Распинают заморские гики!

Держат ангелы берега.
Держат так, что ломаются крылья.
Своенравная очень река,
Ей неведомо наше бессилье.

Наши Церкви качнулись вперёд,
В небе вспыхнул огонь единенья.
А теперь человекам черёд
Встречное обозначить движенье.

Словно пепел, упавший с небес
Превращается в белую вьюгу.
Это ангелы наших сердец
Выбегают навстречу друг другу.

ГРОЗА

Дождевые проносятся реки
Каждый камень в реке говорлив.
В тёплых странах, наверное, греки
Подбирают для Зевса мотив?

Отдохни, громовержец, немного,
Да попей на Олимпе чайку.
Для слепого добавь и глухого,
Связку молний и грома в строку.

СУББОТА

Конечно, махнул бы на дачу,
Когда б не метели и снег.
От всей бы души побатрачить,
Сосной протопил бы ночлег.

На Каму сходить, порыбачить,
Поймать бы сома-усача,
Налима и щуку в придачу,
Стихи свои, в шарф бормоча.

Вернулся б к хоккейному матчу,
В телевизионном окне.
За каждую пил бы подачу,
За шайбу в воротах — вдвойне.

Потом предаваясь наиву,
Смотрел бы сквозь дрёму в тепле,
Как в рост одинокую иву
Рисует мороз на стекле.

ЦВЕТНИК

Бегут, как люмпены, люпины
Ко мне по краю цветника.
Пионы подставляют спины,
Июльским ливням, а пыльца,

Как бультерьер вцепилась в пестик,
А значит, скоро жди приплод.
Цветут ирисы в нужном месте
И желчью жалят огород.

В центр круга, словно забияки,
Огнём украсив лепестки,
С объятьями пролезли маки,
Как в полк кремлевский — земляки.

Недавно отцвели нарциссы,
И отошла давно сирень.
Две пихты, словно кипарисы,
К шатру небес приткнули день.

Гвоздики, ландыши, ромашки,
Шиповник с розой на устах...
Я в мамой вышитой рубашке,
Как деревенский Мономах

Сижу без знаменитой шапки
На лавочке в живых цветах.
В траве паук ломает лапки,
Но сеть плетёт в людских умах.

Проходит женская фигура.
Качнётся ветер боковой...
Как сноп пшеницы белокура —
Коса, косе, косу, косой.

И вдруг заметишь очумело
След от прививки на руке,
И первый поцелуй несмелый,
Как шмель, застывший на щеке.

* * *

Взлетит журавлиная стая
На зримую высоту.
Всю твердь надо мной размыкая,
Покуда летит — отдохну...

И снова навалится вечность
Искрящимся звёздным столбом.
И снова смелеть будет нечисть,
Нагляя щипком и тычком.

Я буду стоять во Вселенной,
Как русский простой богатырь.
В отцовской фуражке военной,
Стихами тревожить эфир.

ПЕРМЬ

Где чайка над Красавинским мостом
Трассирует мелованным хвостом,
Выдёргивая из протоки рыбу.
За чайкою следит портовый кран
Он к облакам любовью обуян
Стрелой махнул... и гравий весь просыпал.

Река, как меч меж берегов лежит,
Трамвай из Мотовилихи бежит,
Но не догонит белый пароходик.
А за кормою Разгуляй бурлит,
У Разгуляя правый глаз подбит —
Мы посвящать ему не станем оды.

А на базаре пермский говорок,
Как трын-трава и заплутавший слог,
Словно душа бродяги нараспашку.
Рассыпан, как из короба горох,
А будь я помоложе, я бы смог
Его, как речку переплыть вразмахку.

Как в стих пытаться слово уложить
Не уезжать, а жизнь в Перми прожить,
Перевернув истории страницу.
Здесь Заратустра с нами говорил.
Здесь медные шурфы старатель бил.
Здесь Воронихин созидал столицу!

Поэмы этот город заслужил.
Он ждал её и в бубен неба бил,
Дороги перебрасывал за Каму..
Попав сюда — отсюда не уйдёшь,
Куда не ткнишь — в Россию попадёшь,
Пермь — пуп земли!
И спорить я не стану.

РУССКАЯ ПАРИЛКА

Кричу, словно солдат в аду:
— Прибавьте, черти, жару!
Иначе я с полка сойду,
Мне не хватает пару!

— Топилась баня шесть часов,
Подуй — облезет кожа!
— То для «щенков», а для отцов
Ещё охапку можно?

Ну, наконец-то я готов,
Ковш браги мимо глотки.
Тюленев или Тюленёв,
Но оба самородки!

На кумпол¹ бросив кемелёк²,
А руки — в рукавицы,
Сгибаю веник, как дымок,
Размачивая вицы.

Ну, всё! Поехали! Пошли!
Не плачьте, половицы.
Мы не касаемся земли,
Как огненные птицы.

Хозяйка, выгибая стан
Точёный и змеиный,
Благоухая сквозь туман,
Заварит чай с малиной.

---

¹ Кумпол (в просторечии) — голова.

² Кемелёк (в просторечии) — фуражка, шапка.

ГРОМ НЕБЕСНЫЙ

Мир, раскопанный на грядки:
Сельдерей, укроп, петрушка...
Значит, будет всё в порядке,
Дорогой Сергеич Пушкин!

Значит, будем строить планы
На осеннее житьё.
Разливай огонь в стаканы,
Чтоб не съело комарьё.

Выпьем и закусим строчкой,
Той, которая бойчей,
И не запятой, а точкой
Защитимся от речей.

Помолчим, на луг посмотрим
И на садик-огород.
Окна в горенке зашторим.
А над крышей Верховод

Прогремит в своей телеге,
В грядки молнии воткнёт,
По ранжиру, как в аптеке,
Первый ливень разольёт.

Мы с ногами заберёмся,
Словно в детстве, на диван...
Подождём, Ирина, солнце,
Как с халвою караван.

Завтра всё равно наступит.
Люди выползут на свет.
Гром небесный не погубит
Нас с тобой во цвете лет.

МУКИ ЛЕТА

Листья падают на землю,
Листья плавают в пруду..
Что ни даст Господь — приемлю.
Сбросит с неба — подберу!

Мир последними лучами
Муки лета озарит.
Баба выскочит из бани
И... в пруду вода вскипит.

Станут дни ещё короче.
Брошу в рот рябины гроздь.
В дом войду за миг до ночи,
Как по шляпку в стенку гвоздь.

Эй, хозяин, где стаканы?
От локтей прогнулся стол.
Притащите на аркане
Деревенский мюзик-холл.

Будем пить и веселиться
Впав в «задумчивую лень»,
Будет спирт в стаканы литься
В честь забытых деревень.

Но зачем сейчас об этом,
И об этом и о том.
Чокнемся с ушедшим летом
И в столицу уплывём.

УДАР МОЛНИИ

Ирине

Ты не искала, не просила,
Огонь небесный не звала.
Но что-то там, в верхах смутила,
Как волос молния-стрела

Упала в августе-июле,
Когда варила ты кисель.
В раскатах грома утонули
Огни ближайших деревень.

Огонь развёрнутый, как знамя
Пронёсся около меня.
Ты изумлёнными глазами
Взглянула из столба огня.

Смотрела целое мгновенье,
Как старые черновики,
На новое стихотворенье
Пока стекал огонь с руки.

О страхе говорить не повод,
Укол был не больней шипа.
Та молния попала в провод
И разлетелась, как щепя.

* * *

Свет сочится сквозь листву,
Словно в ситечко водица.
Льётся, льётся по лицу..
Льёт, но не даёт напиться.

Плечи, щёки и глаза
Чувствуют движенье неба.
Богатырская гроза
Превратилась в море хлеба.

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

В пуп земли ударил посох,
Колыхнулась неба ртуть.
Инок Прохор принял постриг
И пошёл на Божий Суд.

Богоматерь — язва бесов,
Начертала твёрдый путь.
Выбежал медведь из леса,
Руку странника лизнуть.

Серафим — духовный пламень,
Простирая руки ввысь,
Сутками стоял на камне
И молился... Ты, молись!

За солдат и за державу,
За простых людей ея.
Чтоб стяжать любовь и славу,
Всенебесного Царя.

Солнце крохотная свечка
По сравненью с Божьим днём.
Бьётся тихое сердечко,
Молит Серафим о нём.

Ведь пустынного иконка
От напастей защитит.
Разобьётся разум звонко
Об иконку, как об щит.

Ибо душу не насытит
Запах васильков и роз.
Свет богомоленья видит
Только Иисус Христос!

ЗРЕЛОСТЬ

В поэзии я был солдатом,
Как в армии был рядовым.
Бил в морду и ругался матом,
И думал, что на том стоим.

Но мир стоял на русской Вере,
Что наполняет небом грудь.
Я в троицу другую верил —
Авось, Небось да Как-нибудь.

Но молодость, как всё — проходит
И зрелость ей вздыхает вслед...
Но всех красавиц и уродин
Дороже сердцу белый свет.

Но всех сокровищниц и кладов
Дороже родина и честь!
Ну, что ж ты, милая, не рада?
И ты мне дорога, что есть.

Все дорого и все любимо:
И слякоть в небесах равнин,
И слезы, что текут от дыма,
Смывая журавлиный клин.

КРУШЕНИЕ

Дрожь по составу пробежала,
Как бы по коже бегуна,
И оттолкнувшись от вокзала,
Гонимый силой колеса,

Помчался, набирая скорость,
Набитый русскими людьми.
А я торчал в окне по пояс,
Кричал: «Красиво, чёрт возьми!»

И взял уродец преисподни,
Нарушил ход людских судеб.
Откос! Удар! Погибли сотни,
Беспечно, как Борис и Глеб.

Как нитку разорвало рельсу
На повороте бытия...
Ногтями вырежу я дверцу:
— Ну, здравствуй, Родина моя!

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

А старых солдат
С каждым годом всё меньше,
Как старых посёлков
И деревень,
И остаются холодные бреши
В потоке
Куда-то спешащих людей.
Венок
На холодные прутья повешен,
Железом
Гремят на ветру лепестки,
Гуляют в родной стороне сквозняки...
Никто не забыт,
И никто не утешен!

ВДОВА

На свежий дёрн накрошит хлеба
Вслед за молитвой: «Дажь нам днесь...», —
Чтоб чаще опускалось небо,
Чтоб чаще птицы пели здесь.

И долгий взгляд — безбрежный, вдовый,
Вслед за дыханьем из груди...
И сердце — чёрный сгусток крови,
И только память впереди.

КОЛЧАКОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Окопы адмирала Колчака,
Заросшие травой и забвеньем...
Здесь кровь лилась большим стихотвореньем,
А в памяти осталось — тчк.

Родился я на левом берегу
Неподалёку от былых сражений,
Всё детство не вставали мы с коленей —
Искали пистолеты и казну.

Как Белое движение, туман
Стоял над Камой. Вороны кричали,
И кости безымянные трещали
Под пятками безмозглых басурман.

Погибшие за Родину и Честь,
Плывущие давно в литейских водах,
Увядавшие травой в чужих народах,
Нам ниоткуда посылают весть.

Окопы адмирала Колчака
Ещё хранят в себе солдатский пепел...
За красных пил, а вот за белых не пил,
Налью стакан... а дальше — тчк.

* * *

Вот детства моего граница —
Противотанковые рвы,
И хищная, большая птица
Взлетает тяжело с горы.

Там, где лежала тень пехоты.
Я слышу в травах голоса,
То плачут вдовы и сироты,
Солёная блестит роса.

Мы слишком много потеряли
И слишком мало обрели...
Лежат кровавые скрижали
На сердце матушки-земли.

Не торопите время, дети,
Узрите родину свою,
Успейте ей сказать: «Люблю!»
На этом свете.

* * *

Воздушное оружие —
Пиканы,
Снаряды на черёмухе растут,
Бьёшь очередью так,
Что гнутся рамы,
И раньше времени
«Бойцы» мои встают.
По улицам чумакая дружина
Несётся,
По-разбойничьи свистя,
Бить змея —
Ибо в змее вся причина.
Что хочет Бог,
То ведает дитя.

ДЕРЕВЯННАЯ ЛОШАДКА

Деревянный скачет конь
По накатанной дороге,
Береги, прохожий ноги,
Только скакуна не тронь.

Это скачет он за мной
Из приснившегося детства,
Там, где маленький герой
В битвах закаляет сердце.

Мчит, над гривой наклонясь,
На врагов взирая строго,
То он пахарь, то он князь,
Все таланты в нём от Бога.

Где-то ждут отец и мать.
Деревянная лошадка!
Упоительно и сладко
К дому отчему скакать.

* * *

Уткнётся лошадь
Тёплыми губами
В моё плечо.
Огромный глаз
Заполнен облаками,
Рекой, ещё
Отцовским домом,
Лесом, ветром, ранью,
Десятком дач,
Моим лицом, слезами,
Русской далью
Летящей вскачь.

ТАНЦПЛОЩАДКА ДЕТСТВА

Танцплощадка в леспромхозе,
Есть гармошка — нет огня!
Здесь, как зека бьют на зоне,
Били втёмную меня.

Кулаки в лицо врезались,
Я зубами скрежетал,
Как бы парни не старались,
Я на помощь не позвал.

Разве мог я лажануться
И признаться, что слабак?!
Я ей шибко приглянулся.
Или просто думал так?

А ребята знали дело,
За дружка мальчишке мстя.
С ним ушла, хоть не хотела?
Или так подумал я?

ЗЕМЛЯКИ

Всё в трудах и в трудах,
Что ж к ним в душу влезать.
Летом им сенокос,
А под осень — картошка.
А стихи? — Что стихи,
Им стихов не читать,
Может, в школе когда-то
Читали немножко.
Кто-то с выпаса гонит
Тяжёлых коров,
Кто-то крикнет: — Привет! —
И захлопнет окошко.
Но без них у меня
Не бывает стихов,
Как у них без дождей
Не родится картошка.

ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

На родине моей в девятой школе,
Отдали под музей начальный класс.
И закупили тюлевые шторы,
Развесили нас в профиль и анфас.

Поэт, биатлонист олимпиады,
И средний чин из президентских сфер,
Мы трое проучились здесь когда-то,
Тот — октябрёнок, этот — пионер.

Лишь я один — ни сено, ни солома,
И видит Бог, нигде не состоял.
Но вырван был поэзией из дома,
И вот... музейным экспонатом стал.

НА ВЕРАНДЕ

Как ладони, листья льнут к стеклу,
Холодно уже лежать в кровати,
Горстку мух, замёрзших на полу,
Замечает острый глаз, нестати.

Горки помидор и чеснока
На полу, столе и на скамейке,
У печурки клюшка старика,
Тень его метнётся к телогрейке.

Принесёт дрова, затопит печь,
В котелке брусничный чай заварит,
Свежим чаем душу не обжечь,
Ну, пора вставать, валяться хватит.

Скрипнет половица у окна,
Сразу отзовется у порога.
Вроде бы бескрайняя страна,
А такая краткая дорога.

КАТЕРОК

Катерок причалил к пристани.
Кто зазвал его сюда?
Проплывают мимо быстрые
Непутёвые суда.

Чалочку на кнехт набросит
И стоит в дыму матрос,
Курит — есть и пить не просит,
Как у русских — малоросс.

Эх, матросик, в стельку пьяный!
Что тебе речной Устав?
Самогона океаны
Мозг штурмуют по утрам.

Выпил, чтоб опохмелиться,
И отчалил в край любой.
За кормой волна катится,
Закипает за кормой.

Капитан в штурвал вцепился,
Пальцы, словно когти льва.
С кем твоя гуляет львица,
То ль супруга, то ль вдова?

Норд наждачною бумагой
Полирует небоскат.
Мы бежим под русским флагом
То вперёд, а то назад.

СЫРАЯ НОЧЬ

Сырая ночь, сребрялся тополя,
Как будто алюминием облиты.
Гляди хоть час, не выглядишь поля,
Печальные поля моей планиды.

Щепоть махры в колонку новостей
Засыпь и прикури от русской печки.
Кури спокойно и не жди гостей,
И даже той... чей свет живёт в сердечке.

Хотя, быть может... Вспыхнул огонёк
От катера, бегущего по речке.
О Боже, как я нынче одинок —
И на Руси, и в девичьем сердечке.

УСТАЛ НЕМНОГО

На бреющем ломает воздух шершень,
И я устал от глупости и женщин.

От митингов и шумного кагала...
Не стар я, дру́ги, но душа устала.

Хотя держу за голенищем нож,
Перо — за ухом, а в кармане — грош.

Под срубом — боевые рукавицы
И карта государственной границы.

Не стану слабонервных утрашать,
Да и не всё о русских надо знать

Врагам и тем, кто ловит вражье слово...
Устал немного — что же в том такого?

ДЕРБЕНТ

Всё под рукою: баня, минарет.
Уходят стены на сто метров в море,
На оных — стражники в береговом дозоре,
А им без малого уже пять тысяч лет.

В шелках плывёт верблюжий караван,
Монголы, персы, турки и сельджуки,
Здесь то и дело брали ноги в руки,
Кто не успел, тот попадал в зиндан.

Сюда добрался с Чусовой один
Поэт, уже трепавший гриву славы.
Не термы римские, где женщины, как павы,
Его из снежных вырвали долин.

Не площади с невольничьим базаром,
Не мраморные капища богов, —
Всего то пара или тройка слов,
Что здесь досталась просто так, задаром.

Покуда есть бумага и перо,
Пегас вмерзает в небеса крылами.
Между хребтами гор и городами
Поэта носит Божье ремесло.

В ГОСТЯХ У РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Спустились русскою ватагой,
Гуниб оставив за спиной...
Нас три часа ждал сам Гамзатов,
Орёл с седою головой...

Сев во главе стола, как Будда,
Он очертил незримый круг
И речь повёл легко и мудро,
Как старый и надёжный друг.

Наполненной коньячной рюмкой
Он нас из круга вызывал.
И я напористо и гулко
Ему свои стихи читал.

Кто б, что не говорил — легенда!
Советского Олимпа бог!
Я так сказал, и это — верно,
Как-то, что много выпить смог.

За дружбу, за Кавказ, за славу
России и за тех, кто смел,
И за поэта, что по праву
Здесь во главе стола сидел.

БЕСЕДКА БАРЯТИНСКОГО В ГУНИБЕ (1859 г.)

Вот здесь Барятинский сидел,
Курил ореховую трубку,
И дым, похожий на голубку,
Летел в неведомый предел.

Глаголили кто, как умел,
И понимали, как умели,
И я на камень тот присел,
Он камнем был на самом деле.

Пред ним с мюридами Шамиль
Стоял, как демон покорённый,
Прозрачней водки, воздух горный
Раздвинул над Кавказом ширь.

Судьба имама решена.
Почётный плен. Калуга. Мекка...
Смотрю из бешеного века
В тот век, где родилась война.

Не пересохла Валерик,
Доносятся слова молитвы...
Остались древние обиды,
И долгий, долгий вдовий крик.

По склонам гор течёт эфир
Прозрачной голубой лавиной,
Над Родиной необозримой
Из дыма ткётся хрупкий мир.

АЗИЯ

Тарантул, а затем змея
Переползут дорогу.
Змея для чаши Бытия,
Яд отдаёт свой Богу.

Гремит, словно карьер, гюрза,
В воронку время льётся.
И это Родина моя,
Мои луна и солнце.

Остановились — Азия!
И расстелили скатерть,
Поставили кувшин вина
В центр мировых объятий.

До звёзд взлетел земной песок,
Закрыв родное небо,
Клубится Запад и Восток
Вокруг вина и хлеба.

УХОД ИЗ АЗИИ

Уходят русские, уходят
От винограда и чинар.
Уносят русские, уносят
Терпение и Божий дар.

Без них и Родины лишили,
Земли, где полегли отцы.
Так братья младшие спешили,
С началом не сошлись концы.

Да, мы тоннели били в скалах,
Дабы хватило всем воды.
Ушли, а за спиной остались
Ракетодромы и сады.

Столицы, университеты,
Безбедное житьё-бытьё,
Орёл и решка у монеты —
Две стороны — одно литьё.

Нам в спины гнусное кричали,
Камнями падали слова,
Как сквозь шпицрутены нас гнали,
Зато в следах росла трава.

Деревья. Щебетали птицы,
Но я об этом говорил.
Вы наши позабыли лица,
Я слово «дружба» позабыл.

Прощай, советское застолье,
Содружество литератур.
Как никогда, сегодня больно,
Что хочется уйти в загул!

Живите, как Господь положит,
Своим умом, своим трудом,
А старший брат вам не поможет,
Он строит заново свой дом.

ПРОЩАНИЕ С ТУРКЕСТАНОМ

Прощай, советский Туркестан
И солнце белое Хивы,
И шёлковый твой караван,
Песок, верблюды и ковры.

Прощай, узбечка Халима,
Ты мне читала на фарси,
И таяла во рту халва,
Как снег весною на Руси.

Прощай, золотая Бухара,
Уже отрезанный ломоть,
На Север мне давно пора,
А ты сама здесь коноводь.

Европа, слаб твой стебелёк,
Твой колос плесенью объят,
Но я вернусь к тебе, Восток,
Я слишком долго пил твой яд.

* * *

Чужая речь у врат Стамбула
Очнётся в имени твоём,
Как падишах, упав со стула,
В шелках забьётся водоём.

Плывут малиновые фески
Вдоль берега и корабли,
Чужие ты грызёшь орешки,
А я гуляю на свои.

Я не чужой в чужом народе,
Люблю печальный скрип зурны.
Опять Восток у русских в моде,
Вкусны данайские дары.

* * *

На турецком утёсе безмолвно стою,
Как маяк, что уже не указ кораблю,
Спутал волосы ветер с Босфора.
Топит Белую гвардию варваров вал,
Стеньке Разину дарят дамасский кинжал.
Лжепророкам разбойник — опора.
Византия...
Царьград...
Мусульманский Стамбул
Пол грядущей России одел и обул,
Взор потупили злые гяуры.
Не садятся за вёсла, не рвут паруса,
Русский посвист не гнёт, словно лук, небеса,
Расклевали картечь куры-дуры.
А казацкую пику сожрал дымоход,
А казацкую шашку сгноил огород,
Растрепали папаху младенцы...
Только в древней руке полыхает чубук,
Да стремятся глаза, словно птицы, на юг,
Где галдят про своё иноверцы.

ЦАРЬГРАД

Царьград оставил только гул,
Константинополь — только стены.
Въезжаем в нынешний Стамбул,
Съезжая с мировой арены.

Я обопрись о минарет,
Словно о посох старый дервиш.
— Аллах велик! — сказал поэт.
И, как поэт поэту, веришь.

Велик и мой родной язык!
Со мной здесь говорят по-русски.
Что сделал с вещмешком мужик —
Не сделали флота и пушки!

АЗ, БУКИ, ВЕДИ...

Вот, поди разберись, где хлеба, где полова,
Где гранит, где болото...
Далеко отбежала Российская мова
От Державного брода.

Потекли по России монголы да турки,
Всё нерусские реки.
Казаки, где же сабельки ваши да бурки?
Лезут в окна абреки.

Иноземных глаголов блудливая челядь
Срежет ваши лампасы.
В силу лавы казачьей никто уж не верит:
— Это всё прибамбасы...
Нет, не всё... Потому что по русскому полю
Скачут — Аз, Буки, Веди...
Нет не всё, потому что за русскую волю
Гибнут русские дети.

* * *

Едем Тавридой, устал экипаж,
Крепость мелькнула... и вскоре...
Вот перешеек! Слева — Сиваш,
Справа — Азовское море.

Если до боли зажмурить глаза,
Увидишь в тени генуэзцев —
Красноармейцу по горло вода,
Белогвардейцу — по сердце.

Бьются товарищи и господа,
Не на кого положиться...
В колчане ржавеет морская вода,
Тихо стрела шевелится.

Мелкий ракушечник, берег пустой,
Ветер нагайкою свищет.
Многих хозяйка взяла на постой,
А не успокоятся тыщи.

Выпили водки, нажали на газ,
Тени остались в дозоре...
Справа, как раненный, стонет Сиваш,
Слева — Азовское море.

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

Господа офицеры!
О вас я вспомнил в Крыму,
Где помер Волошин,
За тех и других помолившись.
Где, выйдя из моря,
Такую увидишь «корму»
Не пенорождённой —
И рухнешь,
За сердце схватившись...
О Белое воинство!
Бледный вас конь не унёс
За горы и реки,
Подальше от милого края,
Где вместо берёзы
Торчит на холме утконос,
Где небо не туча —
Подушка, от плача сырая.
Вы выбрали сами
Нерусскую эту красу,
Дроздовцы! Корниловцы! —
Рать убиенных святая...

Но тот, кто вернулся —
Того не прибили к кресту,
Того, кто вернулся —
Вода поглотила морская.
То в чёрной опале,
То в белой кровати ничком
Старушка Европа,
Последний в твоей богадельне.
Но се человек!
Он, заблудший, не может молчком,
И нежно, как внука,
Положит альбом на колени...
Давно это было,
О, как это было давно,
В альбоме сияют
Красивые русские лица,
А ноги ощупали всё
Черноморское дно,
Да верной тропы не нашли,
Чтоб домой возвратиться...

НА ЗАТОПЛЕНИЕ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ

У моря завывает волк
Штормами горя.
Ведь не один вместился полк
Под крышей моря.

Сошёл с ума наш водолаз,
Как мне сказали,
Когда узрел стоящих вас,
Как на вокзале.

Стою и с морем говорю,
Жена подходит:
«Ты не в себе?» — «Ах, мать твою!»
Жена уходит.

Не обижайся на меня,
Осколок страсти.
Но не сбивай на склоне дня
Мечту о власти.

Когда-нибудь нерусский строй
Потопит русских,
Я должен знать, как под водой
Наростить мускул.

Чтоб выйти, чешуёй горя,
Из волн на берег,
И чтоб осталось только «бля»
От всех «америк».

* * *

Умирало над морем светило,
Обручившись с поверхностью вод,
Светозарная Божия сила
Гасла в небе, как русский народ.

Я стоял на скале под сосною,
Что корнями эпоху скребла.
За моею спиною, за мною,
Погибала без боя страна.

Я рукою, свинцовой от силы,
Вырвал с корнем клубящийся луч.
И заплёл его в имя — Россия,
Словно в конскую гриву... И с круч

Прокатилась имперская тройка,
Расплескав океаны-моря.
Как на свадьбе я выкрикнул: — Горько!
Горько, горько Отчизна моя.

Мы на свадебке ноги допляшем,
Подерёмся за первым углом...
Ты, Россия, ведь матушка наша!
Не пои нас кровавым вином.

* * *

Звонят под знаменем пророка
Подковы, ножны, газыри.
Кровь пролилась из вен зари,
Чтоб освежить лицо Востока.

«Под небом места хватит всем» —
Заметил сосланный поручик.
Но рухнул, словно камень с кручи.
Кому свою печаль повем?

Поэт уходит между тем,
За ним мюриды и пророки...
Кому свою печаль повем¹,
И кто услышит на Востоке?

---

¹ *Повем* (устар.) — форма первого лица единственного числа глагола «поведать».

* * *

По небу белый голубь пролетит —
На древо жизни сядет
Чёрный ворон,
Опять земля
В огне хмельном горит,
И русский стяг
Рукой кровавой сорван...
— Мы победим!
Я слышу слева крик.
— Мы победим!
Доносит ветер справа...
Мир, на костях стоящий,
Невелик
И призрачен,
Как верность жён и слава...

В МОЁМ КАБИНЕТЕ

На столе стоит товарищ Сталин —
Белый китель, чёрные усы,
Был моею волей он поставлен
В блеске всей диктаторской красы.

Рядом фото, где Сергей Есенин,
Загрустивший под осенний свист,
В центре — ваза с облаком сирени,
Чёрный черновик и белый лист.

...Смотрит на меня товарищ Сталин
Оком государя каждый день,
Как на тигель для расплава стали,
А Есенин смотрит на сирень.

* * *

Даль обозначат ниткой длинной
До горизонта журавли,
Словно связисты связь с чужбиной
По лику неба провели.

А волки, как гонцы Батя,
В тени летящих птиц бегут.
Леса, словно глаза — пустые,
Над Русью веки не взметнут.

Копытом холод в лоб ударит.
Метель взорвётся над рекой...
Поэт гостит у музыки Дарьи,
Пьёт зелье, топает ногой.

Он как медведь впадает в спячку,
Когда навалится зима,
Скрыв под подушкой, как заначку,
Стихов весенние тома.

* * *

В этой деревне уныло,
Словно никто не живёт.
Кто-то тоскует постыло,
Кто-то без удержу пьёт.

Мучают дети собаку,
Землю швыряют в трубу.
Баба стирает рубаху,
Но неизвестно кому.

Редко земель этих житель
В тусклом окошке мелькнёт,
Тонет у школы учитель,
В луже летит самолёт.

Что мне заморские страны,
Пальмы и жёлтый песок...
Тонет учитель.
И странно,
Что розовеет восток!

* * *

На берегу крутом стоишь,
Торопишь облака.
Вдоль берега бежит малыш,
А вслед за ним — река.

А за рекою — стая птиц,
За птицами — свинец,
А там, на берегу стоит
И видит всё — Отец.

* * *

Захолустье — отрада души,
Подступают просторы под сердце,
Бродят калики и алкаши
По дорогам счастливого детства.

Из тумана проступит погост,
Пронесётся с рыдающим криком
Птица вещая — Алконост,
С перевернутым, девичьим ликом.

Станет тихо и грустно кругом,
Задохнётся душа от простора,
Пароход, прошипев утюгом,
Сгладит крайнюю точку обзора.

Не узнаешь, где небо, где ад,
Где земля, где Господнее лоно,
Ангелы или птицы летят
Мимо скорби, печали и дома.

ВЕЧЕРНИЕ ВОДЫ

Осенняя Русь наступила,
В вечерние воды войду,
Бурлит богатырская сила
На Волге, Каяле, Дону.

Звезда под ладонью качнётся,
Пловца на века ослепит...
На дне мирового колодца
От Господа прячется стыд.

В огнях силуэт парохода
Погаснет за ближним селом.
Знаменья летят с небосвода,
Затылок скребёт агроном.

От голода пала кобыла,
Свалил мужика самогон.
Храпит богатырская сила,
Каяла и Волга, и Дон.

По дурости, не по злобё,
Полцарства дают за стакан...
Мелькнёт моя мать на пароме,
А там за туманом туман.

Плыву мимо градов и весей,
Смотрю, как там люди живут.
Христос на Руси не воскреснет,
Ему мужики не дадут.

* * *

А в полях уже вызрела рожь,
Миг всего до скончания лета.
— Для чего ты на свете живешь?
Кто способен ответить на это?

Кто способен отнять у земли
Тайну в землю оброненных зёрен!
Тени к западу поползли,
Каркнул с камня взлетающий ворон...

ЛУБОК

Навстречу мне несётся тройка,
Ямщик широк, русоволос,
Как он, в санях весь день постой-ка,
Когда, как вепрь, свиреп мороз.

Запляшут в ближних избах крынки,
И вот, взбесившись, коренник
Заржёт на выцветшей картинке
И гикнет с облучка мужик!

Кого оставит равнодушным
Три морды лошадиных врозь,
Сей бег почти полувоздушный,
Что рвёт из стенки вбитый гвоздь.

МУХА

Муха села на мизинец,
Словно сокол на плечо.
Лужу бороздит эсминец
С русским выговором: — Чо!

А вокруг болотной кочки
Собирается народ.
Комариные сыночки
И пахан сынков — Удод.

Моют косточки друг дружке,
Пишут кляузы в ООН,
Графоманы-побирушки,
Глупые с пяти сторон.

Вдруг от этой камарильи
Просыпаются в Кремле.
Сталин, Молотов, Калинин
Орден присуждают мне.

Только в Кремль я не поеду
Из родных своих болот.
Муха-сокол мне к обеду
Дичь из леса принесёт.

Графоманы сварят яйца
И о лбы их разобьют.
Критик, к строчкам не цепляйся —
Ордена не всем дают.

АРГАМАК

Скачет жеребец по кругу,
В яблоках крутых.
Ржанием зовёт подругу,
Иль читает стих.

Стелется по-над травую,
Словно тень от крыл,
Зависая над землёю
В паутинках жил.

Хлещет царственная грива,
Как державный стяг,
Пересвистнулся игриво
С сусликами — страх.

Сжал Господь летящий ветер,
С громом спрессовал,
И пустил гулять по свету,
Как девятый вал.

Просто в такт ударам сердца,
Скачет аргамак...
И поэт, если взглядеться,
Пишет просто так.

ПЕСНЯ

Как звенит над общими столами
Милый сердцу русскому простор!
Наделила воля голосами
И деревню, и сосновый бор.

Вылетают в окна занавески,
Как жар-птицы ярое крыло,
Не нужны из серебра подвески,
Если есть в гортани серебро.

От избы до полевого стана
Так поют крестьянки — не дыши!
И слеза блестит на дне стакана,
И роса блестит на дне души.

* * *

Ещё грибы в бору растут
И кое-где трезвонят птицы,
Но холода идут, идут,
Как вороги из-за границы.

Нагие, как перед судом,
Стоят берёзы перед снегом,
А нет бы, постучаться в дом,
Поговорить бы с человеком.

НА ПОГОСТЕ

Привет тебе, загробный свет,
Кресты, могилы и оградки.
Мы на слезу, как бабы, падки,
Глотая дым горючих лет.

На этом скошенном краю,
Течение Леты не нарушу.
Пока стоишь в живом строю —
И тварям рад, что лезут в душу!

* * *

Река пустой баркас колышет,
Шумит над лесом дождь грибной,
И нас с тобой никто не слышит,
Ни Бог, ни царь и ни герой.

Здесь нет антенн и телебашен,
Бурьян — что море-океан,
И русский путь совсем не страшен,
Когда ты словом осиян.

И огурец растёт на грядке,
Целует солнце помидор,
В деревне нашей всё в порядке
И прямо за окном — простор.

* * *

В избе есть печь и есть огонь в печи,
Ши на столе и горкой калачи,
Хозяйка пред иконами стоит
И мне знаком её крестьянский вид.
С таким обличем, статью и умом
Была б женой — не думал ни о ком.

О чём так молит истово Творца?
Не замужем, на пальце нет кольца...
Тугая грудь сосцами ситец рвёт,
К такой на руки отрок не пойдёт,
Такую ищут царские гонцы,
И в честь её поют стихи глупцы.

И я один из них. Её волос
Касались только лепестки от роз,
Её знал Рим, неистовый Тимур
Мычал в её конюшнях, словно тур.
Судьба связала многих с ней по гроб,
Возьми любую из разбойных троп.

В её следы впечатались уста
И князя, и кремлёвского шута...
И лишь мужик её не ставил в грош,
Шить заставлял тулуп из козых кож,
В оглобли вместо лошади впрягал,
Да вместо плётки мотом погонял.

Она ж его, то балует парком,
То самогоном потчует тайком!

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА

Волос превратился в серебро,
На дворе пусть не зима, так осень.
Кони бьют копытами крыльцо,
Жениха с невестой выйти просят.

Четверть века пронеслась, как дым,
Из ноздрей лошажьих клочья пара.
Слышишь, к нам стучится, к молодым,
Дружеская, пьяная орава?

Открывай, зови гостей к столу,
Потчуй разносолами и водкой,
Я слова, как звёзды собираю,
В небесах своей лужёной глоткой.

Всю тебя вмещу в небесный стих,
С кончиков ногтей до детской чёлки,
Слышишь, шторм сердечный не затих,
Как у новобранца в самоволке.

СТАРОСТЬ

Лекарствами, прогнав нас с улицы
Сама присядет на матрац...
Ах, старость всё не налюбуется.
Не налюбуется на нас.

Подобострастно ртутный градусник
Подаст, когда почует жар...
А занавески в окнах — парусник,
Но капитан немного стар.

Не стар, не стар!
Здесь ум за разум
Заходит, двери затворив.
На миг мы в детство впали разом,

Услышав старенький мотив:
«Лунные поляны, Ночь, как день светла...»
Вновь на груди заноят раны
У тех, кому всё трын-трава.

И перестанет день сутулиться.
Над крышей солнышко взойдёт.
И хлынут старики на улицы
Встречать, как дети, ледоход.

РЕКА

Вспять река повернула,
Потеснила Творца:
Пуля с фронта вернула
Молодого отца,

Бомба в небо упала,
Под божницей в углу
Мама тьме не шептала,
Не грозила врагу,

Не кричали, не пели,
Не вели хоровод...
И не двигался к цели
Богоносный народ.

Тихо падал на горы
Тот таинственный свет,
За которым ни горя
И ни радости нет.

ЖИВОТ

Не чувствуя усталости,
Не ведая покоя
Всего за день до старости,
Выходишь из запоя.

И нету сожаления,
Что этот день пройдёт.
Пишу стихотворения,
Ращу себе живот.

В нём мощь моя и сила,
И вековой уклад,
И становая жила,
И место для наград.

Для дружбы я и секса
Открыт, как дверь в кабак,
О чём удары сердца
При встрече подтвердят.

Такой уж мы народец,
Хвали или кори.
Но всё, что есть возводим
До дружбы и любви.

СТЕПЬ

О ней мог Шолохов писать,
Такие краски растирая!
Что не прибавить, не отнять,
Как солнце у Родного края.

Полынь — столетняя трава
За горизонтом ищет небо,
И тут, и там растут слова,
И хлеб растёт, и люди хлеба.

ТЫ ДА Я

Шли родительской равниной,
Ты да я, да мы с тобой.
То с берёзкой, то с рябиной
Говорили вразнобой.

До столицы простиралась
Не захваченная даль,
Много здесь ещё осталось
Из того, что сердцу жаль.

ПРЕДГРОЗОВЫЕ ЛАСТОЧКИ

Не чувствую себя отцом семейства,
Мальчишество торчит, как стержень в форме.
Писать и пить! — вот русское блаженство,
Чем рассуждать с трибуны о реформе.

Объятья перезрелой истерички
Не вызывают бури, а напротив...
Нас любят юные, я помню их косички...
Помилуй Бог, причем же здесь Набоков?

Кому они достанутся такие,
Я изваял их в солнечном тумане.
Как ласточки предгрозовой России,
Они щебечут мокрыми губами.

А впрочем, говорю любой: — Свободна!
Лети, куда слабых крыльев, хватит.
Я поддержу дыханьем осторожно
Ту, за которую судьбой другой заплатит.

ЦВЕТЫ

Ты стоишь всех моих наград,
Прекрасная Маруся!
Я прыгну ночью в палисад,
В окошко постучуся.

Клубятся жёлтые шары
Перед окном подруги.
— Петрушка, — скажет, — Это ты?
И встречу протянет руки.
Отвечу, раз пришла пора:
— Не узнаешь? Ты что же...
Лицо поэта от Петра
Ты отличить не можешь?

Ну ладно б спутала с ведром,
С луной, с шаром в окошке...
А то с дубиною Петром.
Прощай навеки, крошка.

ПЛОТИК СЧАСТЬЯ

Тебя раздеть я поспешил,
Всё остальное тоже в спешке.
Достоин я твоей усмешки —
Кто плоть мою, как пса, взбесил?

В итоге что? Река времён
Вот-вот затопит плотик счастья...
Плывут ко мне со всех сторон
Акулы — Анна, Маша, Настя.

ЕГЕРЬ

Дождь ударил в лоб картечью,
Как я сам остался цел?
Защитившись русской речью,
Всё же к ужину успел.

На ковёр ружьё повесил
И охотничий кинжал.
Выпил чарку — вот и весел.
Выпил две — жену обжал.

И нашли мы двери рая
Ночью в собственной избе.
Ты уснула. Замирая,
Лунный луч шёл по тебе.

Я открыл окно, чтоб плюнуть...
В проплывающий баркас.
Кто же этот мир придумал,
Где так бабы любят нас?

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

В углу избы белоголовый
Стоит отец — пять лет ему.
А рядом с бабкой чернобровой
Мой дед! По небу борону

Илья протащит Громовержец!
Он в облаках не заржавел!
Открыла ночка свой ковчежец,
И месяц на небо взлетел.

Но там, где борону таскали,
Прошёл короткий летний дождь.
И зёрна падшие восстали —
Об этом говорил Господь!

* * *

Оставь докучный город, приезжай,
К нам на Урал — уже цветёт калина!
И в синей дымке нежится равнина,
И шумен птичий караван-сарай.

Как не крути — поэта жизнь мудрей,
Но не стихов, что прожигают сердце.
Не здесь, сейчас — так в памяти моей
Тебе от счастья никуда не деться.

ОБЛАКА

На пергаменте записка,
Ах, как истина близка!
Плыли низко, очень низко,
Плыли низко облака.

Вот река — бросайте сети,
Рыбари тяните гуж.
Раз пергамент — срочно дети
Очините перья уж.

Выловить необходимо
Вам название страны...
Облака плывут из дыма,
Словно фронтовые сны.

НА ПЕПЕЛИЩЕ

На доме нашем выросла берёза,
То есть на месте том, где дом стоял.
Куда набегавшись, я залетал с мороза
И молоко, словно щенок лакал.

Сейчас здесь ни строенья, ни забора.
Всё растащила дальняя родня.
Со смерти мамы минуло лет сорок...
Ты в небесах не забывай меня!

* * *

Знаешь, я ничего не забыл.
Жизнь отлита из букв алфавита...
Уж полвека прожил, а не жил,
По-семейному так, домовито.

Потому, что вселенский букварь
Открывается словом «Дорога».
Сыплет охра и киноварь
Из-за пазухи русского Бога.

А мне любо смотреть из окна
На заметы уставшей природы.
Повторяя: — Какая страна!
Добавляя: — Какие широты!

Здесь родня не мозолит глаза.
Понимает, хотя не читает.
На родных обижаться нельзя,
Потому что родня — умирает.

Тут возьму да взгляну на жену,
Я её до сих пор обожаю...
Не журишь, я ещё посижу.
Не сердись, я ещё повздыхаю.

* * *

Ах, давай любимая не будем,
Говорить о том, что не сбылось.
Ты не станешь об пол бить посуду,
Я рогами стены гнуть, как лось.

Значит, почему-то вдруг не вышло,
По какой-то схеме не сошлось.
За ворота зацепилось дышло,
Не сумели объегорить ложь.

Потому-то, друг на друга глядя,
Вечер просидим у комелька.
Ну не вышло, значит и не надо,
Жизнь под гору — ношенька легла.

* * *

Мне стыдно и тяжело;
Как туча я чёрен и страшен,
А ты как ромашка,
И взгляд мой тебе ещё важен.
Взираешь на мир
Из-под крыльев отцовских, широких.
Ещё я не Лир,
Но я знаю отцов одиноких...
Смогу ль защитить тебя,
Девочка в мире продажном?
Где натиск и шторм,
А у нас лишь кораблик бумажный
На коем словесности русской
Скупые глаголы,
Где греки сменили варягов,
А греков — монголы.
А взглянешь на Родину —
Грязи и крови по горло,
Сажусь на обочину...
Слякотно, сыро и голо...
Ступай же, лети!
Не озябни под северным ветром.
Я встал из земли,
И я лягу в следы твои — пеплом.

* * *

Ты на груди моей проснёшься,
Как луч, упавший со звезды,
И так по детски улыбнёшься,
Что вспыхнет клоч у бороды.

Не жаль её — она седая,
Мужского духа забытьё,
И, лунным прахом осязая,
Я притушу рукой её.

Ты ж, говорливая, как речка,
И резвая, как егоза,
Вмещаешься в моё сердечко,
Как в тучу вешняя гроза.

* * *

Свет падает в окно,
Как жёлтый водопад.
От детства далеко
Мой постаревший взгляд.

Хочу облечь в слова
Мерцание души.
Шуршит в саду трава.
Скрипит перо в ночи.

* * *

В фуражке довоенного пошива,
В штанах на лямках.
На груди медаль,
Блестят слова «За взятие Берлина»
Наследство деда — сердцу ширь и даль.

И Родина, и долгий поиск Бога,
И вот стою посередине дня.
И девочка блистательнее слога
Дивится из альбома на меня.

Не защитил от горя и печали,
От перестройки и стыда страны.
Ну почему так долго мы молчали
И я молчал безумнее, чем ты?

И ВСПЫХНЕТ ПАМЯТЬ

Играет мускулами слог,
Как ток по струнам.
Мне встретиться позволил Бог
С тобой в подлунном.

А значит не в церковный хор
И не на паперть
Влюблённый устремится взор
И вспыхнет память.

Нет, нет, там не было такой,
С хрустальным телом.
С ромбической бахромой —
Златой на белом.

Ни этих слёз, ни этих глаз,
Ни этих сказок...
Ни эти профиль и анфас,
Ни этих красок.

Нет ни Шекспира, ни Пьеро,
Ни Коломбины...
Есть я и ты — моё ребро,
И гроздь калины.

А значит осень на дворе
И божьи стаи
Летят в небесном серебре
Чтоб не растаять.

И взявшись за руки, взлетим,
Влюбившись слепо.
Мы наши чувства сохраним.
Как птицы небо.

* * *

Ты мне когда-нибудь споёшь
Романсы русского поэта,
Любовь есть высшей пробы ложь,
Хотя и соткана из света.

Мир сотворён, пора взмывать,
Пора взмывать с Господней длани...
Грешно любовью называть
Всё то, что не случилось с нами.

АЭРОПОРТ ОРЛИ

Я с неба Францию увидел.
Встречай, аэропорт Орли!
Поэзии российской житель,
Коснулся сапогом земли.

Париж — отрезанное ухо
Ван-Гога в солнечной пыли,
Из горловины, как из люка,
Плескались волосы твои.

Ты выбегала мне на встречу
С цветком цыганским в волосах.
И руки девичьи по плечи,
Облизывали шум и гам.

Не я сказал, что время лечит,
Над бровью щёлкнув языком.
Не я гадал — чёт или нечет,
Чтоб тут же позабыть о том.

Я вижу только то, что вижу.
Мне зренье замутить легко.
Мы поклоняемся Парижу,
Как пьяницы «Вдове Клико».

КЛАДБИЩЕ МОНПАРНАС

Бреду по кладбищу, где отдыхают боги.
Сартр и Бодлер... Своих не нахожу.
Петлюра? — Тьфу! Здесь Александр Алёхин,
Закопан в пятьдесят шестом году.

Ушёл непобедимым русский гений.
Его тягчит надгробная плита.
И нет почти деревьев и растений.
Акрополь модный, но и он тщета.

Пусть гения могила неказиста,
Под многотонной шахматной доской.
Но «ход конем» у русского туриста,
Всегда в запасе — летом и зимой.

Я б ни за что в Париже не остался,
Предпочитаю водку пить в Москве.
Но жалко тех, кто внидя¹ в Божье Царство
Свой прах оставил во чужой земле.

---

¹ *Внидя* (по-старославянски) — войдя.

СЕНА

Плескалась несгораемая Сена.
В Париже, как в Диканьке — вечера.
«Луна взошла совсем, как у Верлена» —
Геorgia Иванова строка.

Ручьями речь по галькам растекалась,
Повсюду чужеродная страна.
Ты здесь солдат — солдату не пристало
В походе быть без женщины и сна.

Отринем сон — его вином заменим.
А женщину оставим про запас.
Пусть плоскогруд Нотр Дам, зато колени
Его поклонниц вдохновляют нас.

Нас помнят здесь и даже дарят розы,
Когда услышат наши голоса.
А мы в ответ пьём ваши кальвадосы
И разбиваем женские сердца.

МУЗЕЙ ИМПРЕССИОНИСТОВ Д'ОРСЕ

Ван-Гог, Мане, Гоген с Матиссом,
Тулуз-Лотрек весёлым свистом

Сорвал с натурщицы корсет!
Париж живописуют краски.

Шампанское пью в этой сказке,
А парижане пьют абсент.

Вот в этой гавани я дрался,
Бил англосакса по башке.

Под этим деревом валялся,
Купался с облаком в реке.

Вот здесь в объятьях таитянок
Бананы научился есть...

Мне б убежать на полустанок
А поезда в Россию есть?

Есть поезда до Орлеана —
Их не отправят никогда...

А живопись, как Божья рана!
В душе кровоточит всегда.

БИЛЬЯРД

Я кий держу, как аркебузу,
Шаром выстреливаю в лузу!
Вслед за шаром летит душа.
И от борта с ним отлетая,
Грохочет костяная стая,
Всё на своём пути круша.

Противник молод, но опасен,
Тяжёл, словно создатель басен.
Кий держит, как орёл угря.
Склоняясь над сукном с добычей,
Кий передёрнул, словно бычий...
Хвост или рог — лицом горя.

Блестят глаза, трещат колени,
Вот выбрал позу. Врезал. Гений!!!
Легли в две лузы три шара.
Здесь славою насыщен запах,
Забудешь о вине и бабах,
Когда идёт такая пря.

И если б не был я поэтом,
Я жизнь бы посвятил дуплетам,
И карамболям, и сукну
Зелёному, шарам из бивней
Слонов высоких, словно ливни.
Но выбрал музу я одну.

ПОДНЕБЕСНАЯ

Пять звёздочек на красном флаге,
Китай, небесная страна.
Словно по рисовой бумаге
Плывут в Россию облака.

Несутся боевые кони,
Вращают спицы колесо.
Путь Неба виден сквозь проломы
Пунктирами, словно лассо.

Путь человечества не меньше
От стен Китая до Кремля.
У молодых и у старейшин
Одна в Отчизну колея.

Там хлебные лежат колосья,
И полыхает в жилах страсть.
Кому — дана накладка песья,
Кому — дана над миром власть.

День ото дня теряет осень
Минуты света и листву.
Всё холодней и чище просинь,
Цзай цзень!¹

В Россию я плыву.

---

¹ Цзай цзень (по-китайски) — до свиданья.

РИСУНОК ТУШЬЮ

Китайка по имени Ли,
Имя втиснет моё в иероглиф.
Её алое сердце продрогло,
Как фруктовая роща вдали.

Переправа с обеда пуста.
На террасе бумажный фонарик.
Чёлка тучи на тын завита.
В стороне докурю свой чинарик

И заброшу за рисовый холст.
На дорожке, бегущей к утёсу,
Навесной где качается мост,
Громяхают тележки колёса.

Ты работай, а я отдохну,
На пригорке у входа в пещеру.
И не слушай мою болтовню,
Говорлив я сегодня не в меру.

Над водой наклонился бамбук,
Как медбрат над поверженным телом.
На тростинке играет пастух,
Цапля чертит по воздуху мелом.

Путник лотос на озере рвёт,
Взбили воду осенние гуси.
Дева слёзы на мельницу льёт
В два ручья из печали и грусти.

* * *

Родимая, жёлтые расы,
С пяти наступают сторон...
Какие там к чёрту данайцы
С дарами — данаец смешон!

А русский не хочет плодиться,
В избе, словно птица свистит.
Словесности русской водица
Ему по усам пробежит.

Сидят на печи повитухи
Да пиво заморское пьют.
Жужжат над старухами мухи,
В окошке качается пруд.

А там старичок на баркасе
Бросает с наживкой уду...
Клюёт, но он рыбу не тащит,
А пьёт из бутылки бурду.

Лишь я, над столом наклоняясь,
Как будто за плугом иду,
С Востока подходит китаец
И в душу стучится мою.

* * *

Из удалцов был удалец,
Из молодцов был молодец,
Имел силёнку и нахальство
В чужой впрягаться разговор,
Швырять на жён безумный взор,
В яйцо скатать любое царство!

Тонул в вине зелёном ум,
И пир шумел, как леса шум,
И женщина легко склонялась
По падежам. И как главу
Он доверял ей булаву
И с ней она не расставалась.

Он забывал тропу войны,
И за врагом не знал вины,
И всех прощал... Впиваясь в губы,
Он слышал звон колоколов,
От трёх сиявших в небе слов,
И медные звенели трубы...

Но на полях черновика,
Уже лежит Его Рука,
И затухает праздник света,
На землю сыплется труха,
Гремит забвения река,
Как похоронная карета.

* * *

Что держит нас на этом свете?
Мне кто-то скажет: баба, дети.

Дворцы, резные терема.
Романов будущих тома.

Природа, верная работа,
Удержит, как движок пилота.

Как взгляд рыбачки — рыбака.
Или тайменя — острога.

Как держит зрителя буфет.
И пулю чёрный пистолет».

Но дети быстро вырастают,
А бабы красоту теряют.

Тома горят, мечте каюк.
Не всё буржую сходит с рук.

А самолёт свалился в штопор.
Рыбак судьбу не так заштопал.

Сглотнула аммонит природа
И опротивела работа.

И водка кончилась в буфете.
Осталась пуля в пистолете...

* * *

Любое слово не попад,
Молчит душа,
Как ночь равнины,
Как океанские глубины
Над Атлантидою молчат...

Когда не пишутся стихи,
Судьба страшней чужого флага,
Глядит на мир из-под руки,
Белее смертника,
Бумага.

* * *

Когда смолкает шум дневной,
Восходят на небо светила,
Когда в деревьях
Кровь остыла,
И сон витает над страной.
Тогда подброшу в печь
Дрова
И угли, вороша клюкою,
Вас, богоданные слова,
Сжигаю с лютою тоскою.
Как жрец языческий
Лохмат
И яростен — огнепоклонник,
Грехами смертными объят,
Смотрю,
Как пламенеет дольник,
В прах превращается хорей,
Ямб исчезает и анапест.
Вы, дети бешеных кровей,
Полны восторга
И чудачеств.
Какая светлая стезя —
Хоть миг,
Но быть с огнём на равных...
Гори, гори, моя душа,
В честь дней высоких
И бесславных.

СТРОЧКА

Полвека минуло
И пусть...
Пора собраться.
Мой улей,
Как бумажник пуст.
Слова роятся.
На Древе Жизни
Рой висит.
Кровит планета.
Но от беды
Один есть щит —
Перо поэта!
Пока оно
Врага язвит,
Без Главной строчки,
Мы можем вымереть,
Как вид —
Поодиночке.
Но по другому
Жить нельзя,
Без слёз, без цели.
Иначе в грудь
Вползёт змея...
Гей, ротозей!
Словно в диване
Сталь пружин,
В груди сожмётся.
Уж старость прёт.
Ещё не жил,
А строчка рвётся...

ЮБИЛЕЙНАЯ ПУШКИНСКАЯ МЕДАЛЬ

Наградили медалью поэта,
Звякнет рядышком с сердцем она.
Люди слепнут от горнего света,
Но читают его письмена.

«Милость к падшим» — завет не нарушу,
Но медаль ярче бляхи натру.
Я люблю твою русскую душу,
И твой профиль нерусский люблю.

ОСА

Ветвь рябины мёрзлой обломил,
С гроздьёю чуть осу не проглотил —
Умерла от холода без стопки!
Я осу, как пулю опустил,
В боковой карман своей штормовки.

В дом вошёл, где эту зиму жил,
Где стихи писал и печь топил,
И осу без всяких проволочек
На стихи под лампу положил.
Ожила... и поползла меж строчек.

Значит, миру явлен я не зря,
Растопила небеса заря,
Появился у меня читатель.
Он читает между строк, как я,
Побывав за гранью бытия,
На двоих у нас один Создатель.

ПРОРОК

Ради света идущих веков,
Через ложь и проклятия века
Он несёт эти несколько слов,
Что возвысить могли человека.

Но камень швыряют в богов,
Волчьи ямы тропу обступают,
Люди знать не хотят этих слов,
И ему этих слов не прощают.

* * *

Со многими орлами был знаком,
И слышал над стаканом птичий клёкот,
Я рос в тайге, а там тайга — закон!
И если ты слабак, то могут слопать.

Сбежишь... легко по следу угадать,
Не важно, волчья шуба или лисья,
Поэтому привык слова ронять,
Как осенью сентябрь роняет листья.

А те «орлы», в жилищах городских,
На небеса взирают через стёкла.
Где имена их? Где небесный стих?
И перья вылезли, и горло пересохло.

ВОСХОД

На холм, на гору,
Выше и скорей,
Пока ещё светило не очнулось,
Не вздрогнул мир
От огненных кудрей,
И в божьей твари
Счастье не проснулось.

Скорей, скорей,
Дабы успеть на миг
И ощутить, за шагом пробужденья...
Сейчас начнётся,
Как напор велик!
Не вижу свет —
Но чувствую движение.

ВЫБОР

В небо крик,
Словно крик в полынью,
Не услышит ни рыба, ни птица,
На просторе великом стою —
В Бога верящий, сын коммуниста.

Где твои затерялись следы,
Батя!
Помню отцовскую порку.
— Ни к кому на поклон не ходи,
Не склоняйся ни к овну, ни к волку,

Вот стою, и кудрями трясёт
Тень моя на щите Цареграда.
— За шеломянем русский народ! —
Я скажу, как мой тёзка когда-то...

* * *

Открываю тяжёлые книги —
Между строк пробивается свет,
Слышу, цепи звенят и вериги,
И полки поднимает поэт.

Вижу это великое Слово,
Что орде сшибло голову с плеч.
Без тебя — ни жены и ни крова,
Да и родины... Русская Речь!

ПОКА ЖИВА РОССИЯ

Пока жива Россия — я бессмертен,
Пока шепот родного языка
Растворена, как соль в крови растений,
Как в небе голубые облака.

Пока в народной речи есть такое,
Что отвращает иноземный слух,
Пока у словаря лицо рябое —
От пыли, воска и российских мух.

Покуда крона нации в высотах,
Отводит гром Небесного Отца,
Лежат слова, как мёд пчелиный в сотах,
Под небесами старца и юнца.

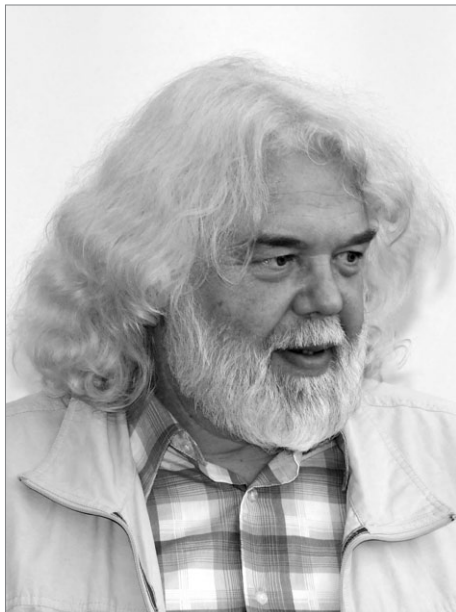
* * *

Слава Богу, что пока плодимся,
Никого, как видишь, не боимся,
Справно косим каждый бугорок,
Да охапки из лесу таскаем,
К жеребцу кобылку подпускаем...
Подпускаем, коль не вышел срок!

Вышел срок — и полегла пшеница.
Три недели ищут тракториста.
Атом уплывает за кордон...
Что спасает нас? — Пенька да сало,
Зелено вино да бабье жало,
Русское «авось» да сладкий сон.

СЛОВО

Ах, эта музыка веков!
То женский визг, то звон оков,
То из могилы посвист ветра...
По житу бледный конь бежит
Так, что Вселенная дрожит,
Связав Конец с началом Света,
Омегу — с Альфой, тварь — с лицом,
А Сына — с Духом и Отцом,
С Отчизной — русского поэта...
А посмотри на небеса:
Над полем — света полоса,
И только Слово выше Света!

Игорь Николаевич ТЮЛЕНЕВ

Родился 31 мая 1953 года на Урале в сплавному посёлке Новоильинском Пермской области (ныне Пермского края). Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве (мастерская Юрия Кузнецова, 1991).

Произведения печатались в Санкт-Петербурге и Омске, Калуге и Воронеже, Екатеринбурге и Самаре; в антологиях и альманахах Казахстана, Украины и Армении, в региональных журналах Карелии, Алтая, Башкирии, Татарстана, Удмуртии, Якутии, Ставропольского края. Публиковались Международной организацией поэтов в журнале LE JOURNAL DES POETES в Бельгии и во Франции в издательстве MARCHAL, в Польше, Болгарии и Канаде. Стихи переведены на английский, французский, немецкий, румынский, сербский, болгарский языки.

Автор 19 сборников стихов и многочисленных публикаций во все-союзных альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах.

Стихи были опубликованы во всеобщей энциклопедической антологии «Душа России. Пятнадцать веков русской поэзии» (2005), ан-

тологиях «Русская поэзия. XX век» (1999), «Русская поэзия. XXI век» (2010), «Тысячелетие русской поэзии. Молитвы русских поэтов XX–XXI вв.» (2010), в альманахах «Академия поэзии» и «День поэзии», в журналах «Наш современник», «Советская литература», «Москва», «Всерусский Собор», «Дружба», «Изборский клуб», «Московский вестник», «Родная Ладога» и многих других. Поэтические сборники поэта выпущенных в популярных сериях: «Писатель и эпоха. XX век» (2000), «Поэты России. XXI век» (2002), «Библиотека лирической поэзии “Золотой жираф”» (2005), «Библиотека популярной карманной энциклопедии Пермского края» (2006 г.).

Творчество поэта в числе лучших представлено в антологии русской критики «Российские дали» (Т. 4, 2007), сборнике «Группа 17. Русские писатели-реалисты начала XXI века» (2005), учебном пособии для школьников и студентов вузов: «История русской литературы. 90-е годы XX века» (2002), хрестоматии «Современная русская литература 1991–2004 гг.» (2005), хрестоматии по литературному краеведению «Родное Прикамье» (2001).

Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского. Лауреат премии им. Фатиха Карима в номинации «Русская литература» (Республика Башкортостан). Лауреат премии Союза писателей России «Традиция». Дважды лауреат журнала «Наш современник».

За книгу стихов «И только Слово выше Света» стал лауреатом премии «Имперская культура» и лауреатом Международной премии им. Сергея Михалкова «Лучшая книга 2012 года». Награждён Министерством культуры Российской Федерации памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского».

Был участником Московской и Санкт-Петербургской международных книжных ярмарок; 25-го Парижского книжного салона во Франции; XIII Международной книжной ярмарки в Пекине.

Почётный гражданин поселения городского типа Новоильинский Нытвенского района Пермского края.

Секретарь Союза писателей России.

Живёт в городе Перми.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Братина:** Стихи. — М.: Молодая гвардия, 1983. — 36 с.
- В родительском доме:** Стихи. — М.: Современник, 1988. — 84 с.
- Кольчуга:** Стихи. — Пермь: Книжное издательство, 1988. — 46 с.
- Огненная птица:** Стихи //Сб. стихов. — М.: Молодая гвардия, 1989. — С. 81 — 124 с.
- В честь дней высоких:** Стихи. — М.: ГОЛОС, 1992. — 12 с.
- Небесная Россия:** Стихи. — Пермь: Б. И., 1993. — 130 с.
- Лирика:** Стихи. — France, MARCHEL, 1994. — 48 с.; ил.
- Люби нас, мать сыра-земля:** Стихи. — Пермь: Полиграфист ПМ, 1996. — 176 с.; ил.
- На русской стороне:** Стихи. — М.: Концерн «Литературная Россия», 1998. — 168 с.; ил.
- Карта неба:** Стихи. — М.: ООО «Центр—«Литературная Россия»», 2000. — 47 с. — (Писатель и эпоха. XX век. Библиотека писателей Ставрополя для школьников).
- Созвездие отца:** Стихи //На троих : лит. сб. — М.: ГОЛОС, 2000. — С. 95 — 186 с.
- Аргунское ущелье:** Военные стихи. — М.: Литрос, 2001. — 80 с.; ил.
- Предгрозовые ласточки:** Стихи. — Пермь: Реал, 2002. — 128 с.; с ил. — (Поэты России. XXI век).
- Засекреченный рай:** Стихи. — М.: Голос-Пресс, 2002. — 304 с., ил.
- Русский бумеранг:** Стихотворения. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 330(6) с. — (Библиотека лирической поэзии «Золотой жираф»).
- В живом строю.** Ибранное: Сб. стихов. — Пермь: Пермская областная универсальная библиотека им. А. М. Горького, 2006. — 80 с. — (Библиотека популярной карманной энциклопедии Пермского края).
- Альфа и Омена на цепи.** Избранное: Сб. стихов. — М.: Голос-Пресс, 2008. — 464 с., ил. авт. — («Современная русская поэзия»).
- И только Слово выше Света.** Избранное : сб. стихов. — М.: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2012. — 336 с.; ил. авт. — (Серия «Современная русская поэзия»).

СОДЕРЖАНИЕ

Валентина Ефимовская.

«Эскадрон гусар летучих»,
или «Лошадь вышла из воды» (о поэзии Игоря Тюленева) 5

Василий Дворцов.

Баян-буян пермьцкий
(мысли по поводу творчества Игоря Тюленева) 17

Полночная звезда 22

«Я слышал древние глаголы...» 23

«Качу по матушке России...» 24

«Жизнь прошла, и не заметил...» 25

На Родине 26

«Дешёвые духи...» 27

К поясу Богородицы 28

«Какие красивые дети...» 29

«Время выпало внуку поэта родиться...» 30

«Рощи выбежали к насыпи...» 31

Внуку Игорёше 32

Бережок 33

«Тучи, как женские боты...» 34

Лесопилка 35

Попутчица 36

Деревня 37

Женский сон 38

«Задела, как бы невзначай...» 39

Мост 40

«Сердце радостно забилося...» 41

Качели 42

«Прут облака из-за бугра...» 43

«Говори со мной попроще...» 44

«Ты свеча моей печали...» 45

С горки 46

Сад 47

Лето 48

Постоянство 49

Крымская татарка 50

Одиночество 51

Плачет женщина 52

Разлука.....	53
Любовь.....	54
«Всё пройдёт, любимая, как прежде...»	55
«Не таи вселенскую печаль...»	56
«О, женщины!..»	57
Августовский звездопад	58
Комарово	59
Кобра	60
Городская окраина	61
Звериная тоска	62
«Не пропал покуда голос...»	63
Русская тройка	64
Посещение выставки Караваджо в Пушкинском музее.....	65
Михайло Ломоносов	66
Диета.....	68
Ода русским пельменям.....	70
«Сентябрь...».....	72
«Под “Прощание славянки” ...»	73
Пермские боги.....	74
Я в этот день	76
Возвращение в Крым	77
«Схожу с ума от русской речи...»	78
Памяти Валентина Распутина	79
«Тираны, люди и ослы...»	80
Китеж.....	81
«Кама пахнет древесиной...».....	82
Мама	83
«Русь не уходит, не уходит...»	84
Танковые учения на Урале	85
«Быть снисходительным легко...».....	86
Уральский	87
«Прощай последняя заначка...»	88
Бабочки.....	89
«Тот — серый, этот — голубой...».....	90
Полонез	91
Пианино	92
Детство.....	93
Уральское крещение	94
Аркаим.....	96
Вербное Воскресенье	97

Русское эхо	99
«— Вот этот стих и Пушкин мог заметить!..»	100
Поликарпычу.....	101
«Иди и слушай тишину!..»	102
«Пять часов утра. Темно...»	103
«Носились чайки над лицом...»	104
Берёзы.....	105
Август.....	106
Иван Ваньков	107
«Солнце мчится навстречу составу..».....	108
Школьное фото	109
Советское кино	110
«Конь-Пегас, явись передо мной...»	111
Сельская библиотека	112
«Случайной думой озарённый...»	113
Вина	114
Небесная Россия	115
Рождественское.....	116
Преображение Господне	117
«Поднебесная русская ширь...»	118
Странник	119
«Мир не узнал Того...».....	120
Юные ватаги.....	121
«Отцовскую шляпу надену...».....	122
«Швыряет осень золото в лицо...»	123
Игра в жмурки	124
Памяти Гумилёва.....	125
Ангел-хранитель.....	126
Вера.....	127
Царские врата	128
Троица.....	129
Фотография	130
«Берёзки — сверстницы седы...».....	131
Шаги	132
В родительском доме	133
В стёганом ватнике	134
Морозы	135
Вечер.....	136
«Ты Урал не в славе — в сраме...»	137
Деревянные боги	138

«Стоит церквушка на угоре...»	139
Белогорье	140
Декабрь	141
«В неотвратимый день приходит осень...»	142
Черёмуха	143
«Не печаль, не тоска...»	144
Золотое кольцо	145
Колыбельная	146
«Дочка дом нарисовала...»	147
Во поле среди цветов.....	148
«Хозяин луга одуванчик...»	149
«Одна властительница — степь...»	150
«Моросит. На сердце сыро...»	151
На берегу.....	152
Двойник.....	153
«У лиственниц ржавеют иглы...»	154
Пороховой запас	155
У часовни Ксении Петербургской	156
«Жизнь покачнулась на весах...»	157
Свято-Введенский Толгский женский монастырь	158
Луч	160
Сельский зной.....	161
«Я был один и ты одна...»	162
Острог	164
«Есть красота в обыденности лета...»	165
Мужик.....	166
Заречная элегия.....	167
Царевна-лягушка	168
Стрекоза	169
«Не надеялись жить до весны...»	170
«Ты помнишь, поле колосилось...»	171
«Отчего стало сыро и голо...»	172
«Деревенька мерцает во мгле...»	173
Хвала гранёному стакану	174
«Гася огонь минувшей славы...»	176
Дождь.....	177
«Сжимая в бубен полынью...»	178
Рессоры.....	179
Таврида	180
Ландыши	181

У моря	182
Парковые статуи	183
В тамбуре	184
«Мимо бати проезжаю...»	185
Заводской пруд	186
«Стрела дождя прибила лист к земле...»	187
«Всё дальше от тропы Господней...»	188
Народ	189
Возраст	190
В морозный день	191
Облака	192
«А на дворе апрель, а не февраль...»	193
Срединная осень	194
«Облают тут же кабысдохи...»	195
«Здравствуй, мама!...»	196
«Ты зовёшь меня с собой...»	197
Шестнадцатилетие дочки	198
Парад	199
Передышка	200
Решётка	201
«Мы пили в Коктебеле и Москве...»	202
На заимке	203
Небо, лес, река	204
Луковая грядка	205
«В пустом лесу трезвонят коростели...»	206
«Первый на погосте снег...»	207
Бабушка Аня	208
«Старый мост унёс поток...»	210
«Обронил перевозчик весло...»	211
Гроза	212
Суббота	213
Цветник	214
«Взлетит журавлиная стая...»	216
Пермь	217
Русская парилка	218
Гром небесный	219
Муки лета	220
Удар молнии	221
«Свет сочится сквозь листву...»	222
Серафим Саровский	223

Зрелость.....	224
Крушение	225
Последний поход	226
Вдова.....	227
Колчаковская деревня	228
«Вот детства моего граница...».....	229
«Воздушное оружие...».....	230
Деревянная лошадка	231
«Уткнётся лошадь...»	232
Танцплощадка детства	233
Земляки	234
Школьный музей	235
На веранде	236
Катерок.....	237
Сырая ночь	238
Устал немного.....	239
Дербент.....	240
В гостях у Расула Гамзатова	241
Беседка Барятинского в Гунибе (1859 г.)	242
Азия	243
Уход из Азии	244
Прощание с Туркистаном	246
«Чужая речь у врат Стамбула...».....	247
«На турецком утёсе безмолвно стою...».....	248
Царьград	249
Аз, буки, веда.....	250
«Едем Тавридой, устал экипаж...».....	251
Господа офицеры.....	252
На затопление русских офицеров.....	254
«Умирало над морем светило...»	255
«Звенят под знаменем пророка...»	256
«По небу белый голубь пролетит...».....	257
В моём кабинете	258
«Даль обозначат ниткой длинной...»	259
«В этой деревне уныло...».....	260
«На берегу крутом стоишь...».....	261
«Захолустье — отрада души...»	262
Вечерние воды.....	263
«А в полях уже вызрела рожь...».....	264
Лубок	265

Муха.....	266
Аргамак.....	267
Песня.....	268
«Ещё грибы в бору растут...»	269
На погосте	270
«Река пустой баркас колышет...»	271
«В избе есть печь и есть огонь в печи...».....	272
Серебряная свадьба.....	273
Старость.....	274
Река.....	275
Живот.....	276
Степь.....	277
Ты да Я	278
Предгрозовые ласточки	279
Цветы	280
Плотик счастья.....	281
Егерь	282
Старая фотография	283
«Оставь докучный город, приезжай...».....	284
Облака.....	285
На пепелище.....	286
«Знаешь, я ничего не забыл...»	287
«Ах, давай любимая не будем...»	288
«Мне стыдно и тяжело...»	289
«Ты на груди моей проснёшься...»	290
«Свет падает в окно...»	291
«В фуражке довоенного пошива...»	292
И вспыхнет память.....	293
«Ты мне когда-нибудь споёшь...»	294
Аэропорт Орли	295
Кладище Монпарнас.....	296
Сена	297
Музей импрессионистов Д'Орсе	298
Бильярд.....	299
Поднебесная.....	300
Рисунок тушью.....	301
«Родимая, жёлтые расы...»	302
«Из удалцов был удалец...»	303
«Что держит нас на этом свете?...»	304
«Любое слово невпопад...»	305

«Когда смолкает шум дневной...»	306
Строчка.....	307
Юбилейная Пушкинская медаль.....	308
Оса	309
Пророк.....	310
«Со многими орлами был знаком...»	311
Восход	312
Выбор.....	313
«Открываю тяжёлые книги...»	314
Пока жива Россия	315
«Слава Богу, что пока плодимся...».....	316
Слово	317
Об авторе	318
Краткая библиография	320

Печатается в авторской редакции.

Автор проекта,
редактор *В. Якушев*
Дизайн серии,
вёрстка *С. Неведомская*

Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России,
ПКОО «Пермский писатель»
г. Пермь, ул. Сибирская, 30
permsprossii@rambler.ru

Подписано в печать 20.06.2016.

Формат 60х84/16. Бумага ВХИ.

Гарнитура «NewtonС».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,06.

Тираж 300 экз. Заказ № 4771.

Отпечатано в соответствии
с предоставленным оригинал-макетом
в ООО «Универсальная типография
«Альфа Принт»: 620030, г. Екатеринбург,
ул. Карьерная, 14.

ISBN 978-5-9908566-3-9

9 785990 856639

Литературно-художественное издание

антология
пермской
литературы

том 19

Игорь
ТЮЛЕНЕВ

В БЕРЕГАХ СЛАВЯНСТВА

избранное

